

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slaw 400. 110 F

**Harvard College
Library**

**FROM THE FUND BEQUEATHED BY
Archibald Cary Coolidge**

Class of 1887

**PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928**

**DIRECTOR OF THE UNIVERSITY LIBRARY
1910-1928**

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСКУССТВА

CXLV

О ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ
ПѢВЧЕСКИХЪ НОТАЦІЯХЪ

ИСТОРИКО-ПАЛЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

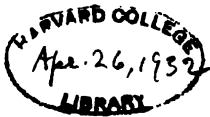
Ст. Смоленскаго,

читанный въ Обществѣ Любителей Древней Письменности
26 Января 1901 года

1901

Star 400.110 F
✓

Acco. by: Fund

Печатано по распоряженію Комитета Императорскаго Обще-
ства Любителей Древней Письменности.

Секретарь *П. Шефферъ*.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

О древне-русских пѣвческихъ нотацияхъ.

Одновременное существованіе различныхъ между собою древне-русскихъ пѣвческихъ нотаций есть несомнѣнный фактъ.—Причины этого явленія заключаются въ заимствованіи у грековъ богослужебнаго устава, слабомъ вліяніи пѣвцовъ-грековъ и въ проявленіи русскаго свободнаго творчества,—въ полномъ обрусѣніи заимствованной теоріи и въ созданіи своихъ вполне самостоятельныхъ напѣвовъ, а къ нимъ—самостоятельныхъ же нотаций.—Совершенная незначительность остатковъ византизма въ русскомъ пѣніи, даже въ самыхъ древнихъ русскихъ пѣвческихъ рукописяхъ.—Географическія условія, задерживавшія вторженіе иноземныхъ вліяній и способствовавшія обособленію русскихъ мѣстныхъ распѣвовъ.—Созданіе русскихъ напѣвовъ и ихъ нотаций, постепенное развитіе тѣхъ и другихъ.

Обзоръ происхожденія и развитія древнерусскихъ пѣвческихъ нотаций, то-есть, различныхъ способовъ записи древне-церковныхъ напѣвовъ, можетъ представлять и общій, историко-культурный интересъ, и интересъ спеціальныи, палеографическій, нынѣ достаточно обрисовавшійся, несмотря на всю молодость науки исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи.

Нотаций было нѣсколько. Однѣ изъ нихъ хотя и сохранились въ рукописяхъ, но вполне забыты и пока не доступны для прочтенія; другія же нотации живы въ народѣ до сихъ поръ съ древнѣйшаго времени, какъ изобрѣтенія гениальныя, постепенно развивавшіяся и ставшія затѣмъ точнымъ способомъ выраженія художественной народной мудрости.

Одновременное существованіе разныхъ нотаций указываетъ на разные роды пѣнія. Пытливость русскаго духа, остроуміе

изобрѣтенія и неослабная любовь нашихъ предковъ къ церковно-пѣвческому искусству оставили ясные слѣды въ исторіи постепеннаго усовершенствованія нашихъ нотаций. Ниже будетъ показано значеніе разныхъ родовъ пѣнія.

Явленія эти находятся въ прямой зависимости отъ двухъ особенныхъ способностей русскаго народа: — творческой, въ области мелодій и ихъ сочетаній между собою, и критической, то-есть, какъ бы особой и строгой разборчивости въ восприимомомъ изъ чужеземнаго искусства.

Творческая мелодическая способность русскаго племени, какъ и способность къ *сочетаніямъ* мелодій, въ виду признанныхъ уже достоинствъ нашей народной пѣсни и малоцѣнимаго еще совершенства строенія и выразительности нашихъ древне-церковныхъ напѣвовъ, — можетъ быть названа только удивительною. Если въ народныхъ пѣсняхъ чувствуются глубокіе завѣты выстраданной старины, нестоимый запасъ народнаго юмора, отдаленные намеки на живые еще остатки древняго культа, то нельзя не подтвердить еще болѣшую содержательность и сосредоточенность нашихъ древнихъ напѣвовъ. Въ ихъ изложеніяхъ очевидны слѣды труда надъ ними множества истинно-великихъ художниковъ. Народная пѣсь, не записанная еще съ надлежащей точностью, прямо уступаетъ записанному церковному напѣву въ наглядности изложенія и въ доступности для изслѣдованія. Эта запись — точная, остроумная, оригинальная, еще болѣе выдѣляетъ наше церковно-пѣвческое творчество, какъ народное искусство, давно обдуманное въ своихъ формахъ и всесторонне разслѣдованное нашими предками. Поэтому можно сказать безъ преувеличенія, что это русское церковное богатство, къ тому же и несравненно болѣе сильное мелодически, чѣмъ у всѣхъ неславянскихъ наро-

довъ Европы, есть сунцій краугольный камень теоріи будущей русской музыки.

Замѣчательно и критическое отношеніе къ воспринимаемому изъ чужеземнаго искусства. Послѣ первыхъ увлеченій заимствованнымъ скоро остается въ народѣ лишь то немногое, что соотвѣтствуетъ его мышленію, слуху и музыкальному чувству. Остальное, непригодное, отбрасывается. Но и затѣмъ это оставленное передѣлывается на русскій ладъ, въ такой степени, что напѣвъ теряетъ даже и малые признаки заимствованія. Даже и въ такой передѣлкѣ воспринятаго изъ чужеземнаго искусства, иногда долго спустя, изгоняются послѣднія ноты, напоминающія еще чужое; народное вдохновеніе замѣняетъ ихъ новыми, своими додумками и додѣлками. Въ результатѣ—новое обогащеніе чужою, здоровою мыслью, но обрусѣлою и передѣланною иногда до полной неузнаваемости. Обогащеніе чужимъ, конечно, восполняетъ только что-либо недостававшее въ своемъ. Только филологи знаютъ, что, напримѣръ, «крюкъ» или «паукъ» (то-есть, названія древнихъ нотъ)—слова не русскія; только музыканты могутъ разобраться въ мелкихъ подробностяхъ того «греческаго» или «болгарскаго» распѣва, которые мы слышимъ въ нашихъ церквахъ, не подозрѣвая ихъ чужеземнаго происхожденія. Въ этихъ столь обычныхъ для насъ напѣвахъ, ставшихъ родными нашему слуху, осталась лишь самая небольшая часть греческаго и болгарскаго элементовъ. Все поглощено русскимъ творчествомъ, все тутъ передѣлано на русскій вкусъ и ладъ.

То же случилось и съ древнѣйшими пѣвческими нотаціями, несомнѣнно сначала заимствованными. Однако, развитіе ихъ и появленіе позднѣйшихъ нотацій есть наше неотъемлемое, собственное изобрѣтеніе. Размѣры привнесенія своего въ чужое,

размѣры усовершенствованія и приноровленія этого чужого къ требованіямъ русскаго слуха и музыкальнаго чувства кажутся мнѣ столь большими, что вліяніе первоначальнаго заимствованія прямо умаляется иногда до полной незначительности. За то увеличивается значеніе домашней переработки чужого искусства до степени своего, русскаго народнаго творчества. Позднѣйшія нотации, изобрѣтенныя уже въ Россіи, представляются какъ бы свидѣтелями мощи художественной русской струи. Она по большей части стремилась проявить свои вдохновенія внѣ строгаго уставнаго богослужебнаго порядка — въ области только свободнаго творчества, — частью церковнаго, частью духовно-назидательнаго содержанія. Это есть область того древняго пѣнія, которая какъ-бы соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ свободнымъ духовнымъ сочиненіямъ, столь противоположнымъ такъ называемому обиходу.

Церковное пѣніе было всегда любимымъ и самымъ душевнымъ искусствомъ Руси, особенно же древней. Не удивительно поэтому, если въ его мелодіяхъ выразились сполна всѣ стороны сосредоточеннаго и серьезнаго русскаго міросозерцанія, а въ записяхъ этихъ мелодій — все остроуміе самаго тонкаго анализа родныхъ вдохновеній. Все послѣднее есть трудъ нашихъ теоретиковъ-музыкантовъ, — столь же цѣнный, какъ и самыя мелодіи.

Съ другой стороны: огромныя разстоянія, напримѣръ, отъ Москвы до Кіева, или до Соловковъ, или до Новгорода, задерживали общеніе русскихъ пѣвцовъ и распространеніе музыкальныхъ идей. Въ связи съ разностями климатовъ и состава населенія не трудно уяснить все разнообразіе мелодій, напримѣръ, теплаго, свѣтлаго юга и холоднаго, угрюмаго сѣвера. Трудность сообщеній къ тому же прямо затрудняла объединеніе этихъ столь

дальнихъ и разныхъ между собою мѣстностей. Отсюда — созданіе вариантовъ и обособленность мѣстно созданныхъ и выработанныхъ нагѣвовъ. Отсюда же и появленіе мелкихъ вариантовъ нотаций, на примѣръ, Усольскаго мастеровѣнія, «переводовъ» Христіанинова, Баскакова и т. п. Даже въ XV—XVI в. объединявшее значеніе Москвы было незначительно, а въ болѣе древнее время такъ и прямо слабо.

Та же трудность сообщеній задерживала воспріятіе и распространеніе чужеземныхъ музыкальныхъ идей. Та же разединенность Кіева отъ Москвы, или отъ Новгорода, влекла за собою разновидности въ переработкахъ воспріятого. Едва-едва добираются эти чужеземныя вліянія, значительно смягченныя разстояніями, до дальнихъ городовъ Русской земли. Уніатскія и католическія вліянія, шедшія черезъ юго-западную Русь, лютеранскія—черезъ Новгородъ, такъ и не дошли до далекаго лѣснаго востока. Нашъ сѣверъ, позднѣе подпадавшій двойнымъ вліяніямъ изъ Москвы и съ Запада, изъ-за моря, такъ и не воспріялъ ничего изъ иноземнаго. Онъ остался съ своимъ суровымъ, знаменнымъ роспѣвомъ, развившимся тамъ съ полнымъ великолѣпіемъ. Явленіе это весьма наглядно повторилось въ XVIII вѣкѣ, подъ вліяніемъ народившагося тогда самостоятельнаго хорового церковнаго пѣнія. Двойная дорога этого искусства на сѣверъ шла изъ Москвы черезъ Вологду и изъ Петербурга черезъ Петрозаводскъ къ Архангельску, но—жалки Соловецкія хоровыя рукописи XVIII в. въ сравненіи, на примѣръ, даже съ захудалымъ нынѣ Верховажскомъ, когда-то пѣвучимъ! Русь не приняла на сѣверѣ пересаженное къ намъ иноземное искусство.

Созданіе русскихъ пѣвческихъ нотаций происходило, какъ мы представляемъ, слѣдующимъ образомъ: сначала появлялись

талантливые пѣвцы, уловившіе новые способы музыкальнаго толкованія и иллюстраціи какихъ-либо текстовъ, а потомъ, можетъ быть и долго спустя, придумывалась новая нотация ad hoc. Дѣло въ томъ, что способъ церковно-музыкальнаго русскаго сочиненія вполне своеобразенъ и повторяется одинаково во всѣхъ распѣвахъ. Каждый русскій церковный распѣвъ, по народному обычаю, состоитъ изъ нѣсколькихъ, иногда очень многочисленныхъ, но короткихъ мелодій. По существу музыкальнаго содержанія, или взаимнаго расположенія, этимъ мелодіямъ придавались значенія либо по отношенію къ условнымъ музыкальнымъ формамъ (предложенія, періоды, вводныя части, большіе отдѣлы и т. п.), либо по отношенію къ опредѣленнымъ содержаніямъ текста (радость, печаль, вопросъ, отвѣтъ и т. п.) Вся задача древняго «творца», «распѣвщика», заключалась въ томъ, чтобы, пользуясь такими мелодіями, условными только для даннаго распѣва, связать ихъ между собою вставить между ними своего рода «интермедію», или «ходъ», или даже устроить послѣ данной «экспозиціи» какъ бы своеобразную «разработку» въ предѣлахъ между такими мелодіями, какія считаются непремѣнными показателями музыкальной формы. Въ стихотворныхъ формахъ, напримѣръ, въ секстинѣ, въ октавѣ, въ сонетѣ и т. п., порядокъ рифмованія строкъ въ куплетахъ и самое число рифмованныхъ строкъ, равно и употребленіе тѣхъ или другихъ размѣровъ (4-хъ-стопный ямбъ, гекзаметръ, Александрійскій стихъ, свободный несимметричный стихъ и т. п.) суть наглядныя и условныя формы поэтическихъ произведеній; употребленіе всякихъ троповъ и другихъ приемовъ изобразительности рѣчи суть собственно признаки совершенства изобразительнаго творчества. Совершенно также, хотя и своеобразно, и въ знаменныхъ, и въ

демественныхъ стихирахъ, или въ отдѣльныхъ пѣснопѣніяхъ, вродѣ «На рѣкахъ Вавилонскихъ», или во всякихъ «Херувимскихъ», создались и точно выработались тѣ же секстины, сонеты, гекзаметры, метафоры, единоначатія, рифмы, метры и т. п.

Когда новый напѣвъ получалъ права гражданства въ своемъ небольшомъ околodкѣ, дѣлался любимымъ и распространялся устно, сама собою являлась надобность отгнѣить чѣмъ-либо самостоятельность значенія его мелодій и самостоятельность формъ его строенія, то-есть, являлась надобность самостоятельной записи. Запись, конечно, влекла за собою надобность точнаго анализа новыхъ элементовъ мелодій напѣва и усвоенныхъ формъ. Та же запись устанавливала законченность художественной дисциплины напѣва. Та же запись спасала правильную по міру передачу новаго сочиненія. Понятно, что такая работа была дѣломъ не одной сотни умовъ теоретиковъ-музыкантовъ.

Напѣвъ проходилъ затѣмъ неумолимую цензуру еще сотенъ и тысячъ усердныхъ и ревнивыхъ слушателей-богомольцевъ; потомъ напѣвъ обтачивался о практику сотенъ и тысячъ художниковъ-пѣвцовъ. То же, конечно, было въ рукахъ пѣвцовъ и съ новоизобрѣтенной нотацией. Только послѣ такого строгаго и, вѣроятно, очень долговременнаго испытанія, новый напѣвъ и новая его нотация пріобрѣтали права гражданства. Только тогда получалась въ немъ та красота и законченность, которыя свойственны народной мудрости и недоступны твореніямъ отдѣльныхъ людей, хотя бы и геніевъ.

Таковъ, какъ мнѣ думается, первый періодъ существованія каждаго русскаго церковнаго распѣва и каждой нотации.

Во второмъ періодѣ, вслѣдъ за своимъ вѣкомъ, напѣвъ совершенствуется въ развитіи своихъ мелодическихъ подробностей, а запись — въ тонкости анализа и въ приспособленіи

алфавита къ еще болѣе наглядности даже въ мелочахъ. Это—періодъ процвѣтанія распѣва, происхожденія отъ него новыхъ распѣвовъ. вмѣстѣ съ народомъ растетъ и его языкъ, возвышается его культура, измѣняется политическое положеніе, изощряются вкусы. появляются новые поэты, новыя умственныя движенія и пр. Какъ въ зеркалѣ отражаются всѣ эти вліянія на рускомъ церковномъ напѣвѣ. Художественная дѣятельность не прерывается, но, развиваясь, становится все болѣе чуткою, отзывчивою и изящною; тутъ же видны и малодушныя шатанія мыслей, временныя увлеченія, борьба разныхъ художественныхъ направленій и пр.

Техническія подробности въ мелодіяхъ и въ записяхъ древнихъ распѣвовъ только подтверждаютъ тонкость анализа и остроумія нашихъ предковъ въ дѣлѣ музыкальнаго искусства. Отсюда—совершенство разработки нашихъ мелодій и ихъ записей. Отсюда же, при силѣ выразительности русской мелодіи, при глубинѣ русскаго музыкальнаго чувства, слѣдуетъ заключить о научномъ богатствѣ содержанія древнихъ церковныхъ распѣвовъ и о надобности одновременнаго существованія нѣсколькихъ родовъ пѣнія съ отдѣльными для каждаго изъ нихъ нотациями. Любовь нашихъ предковъ къ церковному пѣнію, въ дополненіе къ внутреннему его содержанію, выработала и внѣшнее изящество нашихъ пѣвчихъ рукописей, напримѣръ, богатство украшеній, точность и красоту почерковъ.

Пока, за молодостью нашей науки, крайне трудно даже и приступиться къ чтенію нѣкоторыхъ забытыхъ нотаций. Будущіе ученые пойдутъ, конечно, по болѣе торной дорогѣ и легко откроютъ нынѣ намъ недоступное. Тогда осмыслится взаимодействие и практика одновременной жизни разныхъ нотаций, какъ свидѣтелей разныхъ родовъ пѣнія. Тогда разумно объ-

единятся церковный напѣвъ и младшая его сестра—народная пѣсня, въ строеніи которой, какъ кажется, очень многое можетъ быть уяснено древне-церковною аналитическою записью. Тогда объединятся также живая музыкальная археологія и живая поэзія нарождающагося нынѣ русскаго церковно-музыкальнаго искусства XX вѣка. Какъ кажется, недалеко время, когда археологія сможетъ сдѣлать ему существенныя услуги, давъ доказанныя и вполне русскія основанія для направленія дальнѣйшей его дѣятельности.

I.

Сопоставленіе нотаций сербской, греко-болгарской съ нотациею русскою и заключеніе объ отсутствіи между ними чего-либо существенно общаго и въ письмѣ, и въ напѣвѣ.—Полное сохраненіе нами всѣхъ греческихъ церковно-уставныхъ указаній и въ противоположность тому сохраненіе лишь 6 изъ 86 греческихъ названій пѣвчихъ термповъ, причемъ и эти 6 ни въ начертаніяхъ, ни въ напѣвахъ не имѣютъ съ греческими ничего общаго.—Предположеніе объ обратномъ значеніи Есфигменскаго Ирмолога, то-есть, какъ памятника русскаго, писаннаго для грековъ, а не греческаго.—Указанія лѣтописей о прибытіи пѣвцовъ-грековъ въ древнюю Русь и сопоставленіе этихъ указаній съ отсутствіемъ у насъ сколько-нибудь значительнаго слѣда дѣятельности грековъ въ пѣвчихъ рукописяхъ и въ древнихъ напѣвахъ.—Крайняя шаткость извѣстнаго свидѣтельства Степенной книги о прибытіи пѣвцовъ-грековъ при великомъ князѣ Ярославѣ.—Отличная и полная готовность всего круга русскаго церковнаго пѣнія уже въ XI—XII вѣкахъ указываетъ на созданіе своими силами православнаго русскаго пѣнія, можетъ быть, задолго до крещенія Руси.—Кондакарное знамя, его составъ.—Добавленія въ текстахъ, перешедшія въ знаменныя книги и существующія отчасти у болгаръ.—Нѣкоторые наблюденія надъ нечитаемою еще кондакарною нотациею.—Мартиріи у грековъ и въ кондакарномъ знамени.—Отсутствіе мартирій въ русскомъ пѣніи.

Трудно сказать что-либо опредѣленное о происхожденіи знаменнаго пѣнія въ Россіи и о частичномъ существованіи его въ нашей землѣ до IX вѣка. Неизвѣстно, были ли, послѣ трудовъ свв. Кирилла и Меѡодія, предложены славянамъ напѣвы греческіе, или утвердились какіе-либо славянскіе напѣвы, сочиненные подъ несомнѣннымъ вліяніемъ византійской музыкальной теоріи, въ виду требованій славянскаго языка и славянской мелопеи. Археологи, встрѣтившіе въ греческихъ источникахъ весьма категоричныя и какъ будто бы и мотивиро-

важныя свѣдѣнія, понятно, весьма склонны въ пользу передачи намъ изъ Византіи и напѣвовъ, и нотаціи. Позволяю себѣ думать однако, что самостоятельное существо нашихъ напѣвовъ и очевидность древнѣйшаго развитія ихъ только русскими силами невольно заставляютъ значительно умалить долю византизма въ искусствѣ, родномъ у насъ съ самыхъ древнихъ временъ.

Совершенно неизвѣстно, съ какихъ поръ болгары и румыны *) усвоили себѣ греческую нотацію, донныи существующую у нихъ съ древнихъ временъ. Неизвѣстно также, когда сербы создали свои напѣвы и выработали самостоятельное пѣвческое письмо, также донныи существующее. Какъ ни несомнѣнна отдаленнѣйшая теоретическая связь нашего русскаго знаменнаго письма съ древне-греческимъ, все же она такъ слаба, что совершенно исчезаетъ въ массѣ русскихъ письменно-музыкальныхъ знаковъ и приводитъ къ мысли о полной самостоятельности развитія русской нотаціи русскими силами. О составѣ мелодій греческихъ, болгарскихъ, румынскихъ, сербскихъ въ сравненіи съ древне-русскими, какъ кажется, нечего и говорить. Изслѣдованіе мелодій только подтверждаетъ полную ихъ несродность съ русскими напѣвами.

Къ сожалѣнію, я не предвидѣлъ въ свое время возможности написанія этой работы, и мнѣ не удалось въ своихъ поѣздкахъ сдѣлать на мѣстѣ снимки съ знакомыхъ мнѣ болгарскихъ и сербскихъ рукописей. Невольно приходится теперь

*) Русскіе, населяющіе нынѣ сѣверную часть Молдавіи, Буковину и часть южной Галиціи, имѣютъ въ церковномъ употребленіи, вмѣстѣ съ румынами, нотацію греческую. Въ бібліотекѣ Московскаго Синодальнаго училища имѣются двѣ такія рукописи конца XV и начала XVI в., то-есть, конечно, не древнѣйшія въ этомъ родѣ. Полоса отъ сѣверной Галиціи на Кіевъ издавна пѣла по пятилинейнымъ нотамъ.

на гласовый напѣвъ. Нѣтъ въ сербской нотаци и употребленія греческихъ мартирій, то-есть, особыхъ знаковъ въ ряду нотъ, или въ строкѣ текста молитвы, означающихъ перемену текущаго лада на другой *).

№ 2. Образецъ современной болгарской церковной нотопечати (изъ „Воскресника“, изд. Ангела Ив. Селвѣвца, Константинополь, 1859 г., л. 25).

Нотация болгарская совершенно сходна съ употребительною у грековъ и несравненно сложнѣе и отчетливѣе сербской. Пѣвческіе знаки расположены, гдѣ требуется, въ два и въ три ряда, образующіеся изъ коренныхъ нотъ и разныхъ къ нимъ дополненій. Особенность этой нотаци—употребленіе мартирій,

*) Напримѣръ, употребленіе мартирій можно нѣсколько уподобить переменѣ ладовъ, указываемыхъ то тѣмъ, то другимъ числомъ дѣззовъ, или бемолей, или, отчасти, изложенію нотной партіи, напримѣръ, виолончеля, гдѣ постоянно мѣняются то басовый, то теноровый, или скрипичный ключи.

значеніе которыхъ указано выше (напримѣръ, мартиріи въ этомъ примѣрѣ въ началѣ 2-й строки передъ слогомъ *бла*. въ первой половинѣ 6-й строки, передъ слогомъ *амь*). Ниже мы увидимъ, что въ отсутствіи этихъ мартирій, совершенно не усвоенныхъ въ русскомъ гѣніи, заключается одно изъ частныхъ доказательствъ самостоятельности развитія нашей мелопеи и одно изъ доказательствъ принадлежности нагѣва Есфигменскаго, что на Аѳонѣ, греческаго пролога XI—XII в. къ памятникамъ съ русскими мелодіями, а не греческими.

№ 3. Примѣръ русскаго знаменнаго письма XV вѣка. (Рук. Синодальнаго уч. № 139, л. 124 об.).

Русскій текстъ того же догматика 2-го гласа взять не изъ древнѣйшей редакціи, какъ по неимѣнію подъ рукою болѣе древняго октоиха, ничѣмъ особеннымъ не разнящагося отъ этого примѣра, такъ и по причинѣ надобности воспользоваться здѣсь этимъ же снимкомъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Текстъ этого примѣра отличается употребленіемъ буквъ **О** и **Є** вмѣсто **Ъ** и **Ь**, то-есть, такъ называемою *хомоніей*, или раздѣльнорѣчіемъ (напримѣръ, 2-я строка: *пришедши*, 4-я строка: *есте*, 5-я строка: *пробысте*, 6-я строка: *праведное* и т. п.). Это раздѣльнорѣчіе относится еще къ раннему періоду его появленія,

то-есть, къ тому времени, когда буквы Ъ и Ь, съ пѣвчими надъ ними знаками, еще писались въ серединѣ слова (напримѣръ, 3-я строка: сзгараше, 7-я строка: възиа (то-есть, возсія), 8-я строка: въз, и т. п.).

Простое обозрѣніе всѣхъ трехъ снимковъ должно наглядно убѣдить въ полномъ несходствѣ всѣхъ трехъ системъ пѣвчихъ знаковъ и совершенномъ несходствѣ ихъ начертаній. Нижеслѣдующій нотный переводъ тѣхъ же 3-хъ примѣровъ, достаточно вѣрный въ области скудныхъ по выразительности 5-ти-линейныхъ нотъ, долженъ убѣдить и въ полномъ несходствѣ мелодій.

(Къ № 1). Нотный Сербскій переводъ изъ «Српско православно пјеније» изд. Гавр. Болъарића и Ник. Тајшановића, 1891 г. Онтоихъ, 2-й гласъ, л. 8 об.

Преи - де сѣнь за - кон - - на - я Благо -

да - - ти при - шед - - ши я -

ко же бо ку - пи - на не - сго - ра - ше о - па - ля -

е - - ма та - ко дѣ - - ва ро -

ди - - - ла - - - е - - - си и дѣ - ва

пре - - бы - ла е - - си вмъ -
сто стол-па ог - нен-на-го пра - вед -
но - - е воз - сі - я соли - - це
вмъ - сто Мой-се - - - а Хри - - стосъ
спа - се - - - ні - - е душъ на -
шихъ.

(Къ № 2).. Нотный Болгарскій переводъ изъ «Воскресника» изд. Теодорова, 1898 г. л. 53.

Прей-де сънь за-кон-на - - я бла-го-да-
ти при-шед - - ши я-ко-же бо

Мо - и - се - а

Хри - сто - со въ спа - се -

ні - е ду - ша - мо на - пи - мо.

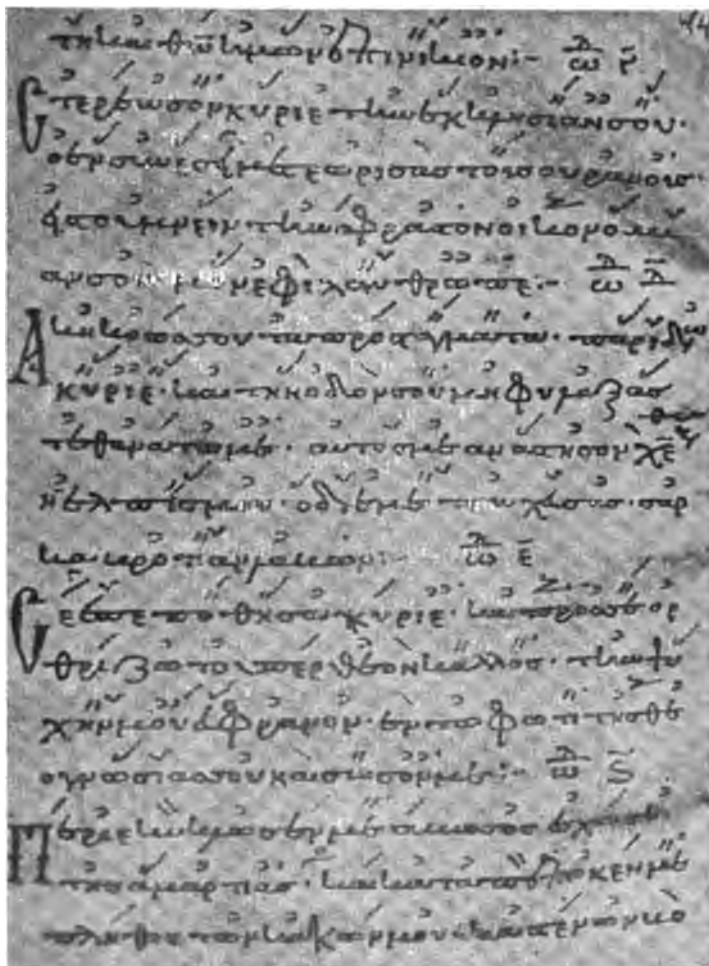
Сходство уставное, то-есть, въ указаніяхъ гласовъ, порядка названій, состава, заглавій разныхъ пѣсногбній, числа повтореній, какихъ-либо случайныхъ отмѣтокъ исполненія (напримѣръ, «косно», «со сладкопѣніемъ», «низкимъ гласомъ» и т. п.) соблюдено между нашими и греческими книгами въ самой строгой степени точности. Но очевидная тождественность названій нѣкоторыхъ нотъ (а не ихъ начертаній) сохранилась, однако, при этой текстовой точности только въ 6 названіяхъ изъ 86 древнѣйшихъ русскихъ знаменъ (хамила, кулизма, параклить, фотиза и обрусѣлыя названія: крюкъ и паукъ). Столь малая доля сходныхъ названій нотъ, при разныхъ начертаніяхъ этихъ знаковъ у насъ и у грековъ, при вполнѣ русскихъ остальныхъ 80 названіяхъ, конечно, указываетъ лишь на самую отдаленную связь греческой нотации, можетъ быть самой древнѣйшей, съ нотациею русскою. Это положеніе приобретаетъ еще большую вѣроятность, несмотря на извѣстныя въ наукѣ утвержденія, напримѣръ, Герберта (*De cantu et musica sacra*), если признать, что, напримѣръ, названія кулизма, хамила встрѣчаются въ наидревнѣйшемъ коптскомъ пѣвческомъ письмѣ, а начертанія наидревнѣйшія греческія въ нѣкоторыхъ случаяхъ сходны, напримѣръ, съ грузинскими и армянскими пѣвческими знаками.

Между тѣмъ очевидна и полная самостоятельность древнѣйшей нашей мелодіи, вполне русской. Такъ обрисовывается въ общихъ чертахъ одно изъ самыхъ загадочныхъ явленій нашей древней художественной жизни. Загадочность заключается въ томъ несомнѣнномъ, очевидномъ фактѣ, что къ XI вѣку, то-есть сейчасъ при крещеніи Руси, мы уже имѣли отлично выработанное въ знаменахъ, вполне систематизованное русское пѣвческое искусство, располагавшее весьма внушительнымъ объемомъ своихъ книгъ и мелодіями столь твердыми и народными, что онѣ сохранились живыми до нашихъ дней. Откуда явилось и когда было создано это искусство — пока неизвѣстно.

Одинъ изъ очень немногихъ документовъ, отчасти извѣстныхъ въ Россіи—Есфигменскій, что на Аѳонѣ, греческій Ирмологій извѣстенъ намъ только по снимкамъ 8 страницъ, сдѣланнымъ извѣстнымъ ученымъ путешественникомъ г. Севастьяновымъ. Этотъ памятникъ, снабженный несомнѣнными, древнѣйшими, и притомъ *только* русскими, хотя и весьма немногочисленными знаменами (я насчиталъ ихъ 28), совершенно лишенъ, какъ уже было сказано, употребленія мартирій, составляющихъ непремѣнную принадлежность греческой нотной системы. Нѣкоторыя знаменныя совпаденія напѣва въ Есфигменскомъ Ирмологѣ съ изложеніемъ тѣхъ же ирмосовъ въ древнѣйшихъ русскихъ рукописяхъ все же имѣются на лицо. Разности зависятъ, вѣроятно все, отъ надобности измѣненія русскаго напѣва для примѣненія его къ разности числа слоговъ и порядка удареній въ греческомъ текстѣ. Такія соображенія приводятъ къ мысли, что едва ли Есфигменскій Ирмологъ, на который ссылаются, какъ на свидѣтеля будто бы подтверждающаго принадлежность нашихъ знаменъ грекамъ, ука-

зываетъ на переходъ цѣликомъ его знаменной системы къ намъ, русскимъ. Я думаю, что наоборотъ, что этотъ документъ дол-

№ 4. Образецъ письма Есфигменскаго Ирмолога съ русскими знаменами надъ греческимъ текстомъ. Въ этомъ снимкѣ заключаются: конецъ 1-й пѣсни 6-го гласа изъ Осмогласника, Прмосы: „Утверди Господи церковь“, „Услышавъ повелѣнія“, „На тя уповахъ“ и „Обыде мя бездна“.

женъ быть понимаемъ скорѣе всего въ болѣе благопріятномъ для насъ смыслѣ. Смѣю предположить послѣ внимательнаго

изученія всѣхъ 8 Севастьяновскихъ страницъ, что Есфигменскій Ирмологъ есть памятникъ именно русскаго пѣнія, въ которомъ русскій напѣвъ и русскія знамена примѣнены къ греческому тексту. Если это вѣрно, то самостоятельность употребленія нашей нотации даже и въ Греческой землѣ, и въ греческомъ древнѣйшемъ монастырѣ, только подтверждается.

Но обратимся къ указаніямъ лѣтописей. Только одинъ разъ упоминаются въ нихъ «демественники отъ славянъ», прибывшіе съ митрополитомъ Михаиломъ при великомъ князѣ Владимірѣ; всѣ остальные указанія, хотя и скудныя, и немногочисленныя, говорятъ только о пѣвцахъ грекахъ. Такъ, съ царевной Анной прибыли греческіе «царицны пѣвцы»; или, на примѣръ, при великомъ князѣ Мстиславѣ (1127) прибылъ «отъ грекъ самъ третей гораздый пѣвецъ Мануиль-скопецъ»; позднѣе—епископъ Смоленскій; или, на примѣръ, указывается, что въ Ростовѣ «лѣвый ликъ гречески пояху».

Первое впечатлѣніе отъ такихъ указаній лѣтописей и отъ сопоставленія этихъ свидѣтельствъ съ подтверждающими ихъ указаніями позднѣйшихъ ученыхъ, конечно, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что будто бы греки насадили у насъ въ X и XI вв. пѣвческое искусство и были нашими въ немъ учителями. Но рядъ самыхъ простыхъ соображеній заставляеть значительно ослабить значеніе этого вывода.

И въ самомъ дѣлѣ: если православнаго русскаго пѣнія не было въ Руси задолго до крещенія ея въ 980 г. и задолго до указываемыхъ лѣтописями случаевъ прибытія греческихъ пѣвцовъ «отъ нихъ-же начать бысть» русское пѣвческое искусство, то какъ объяснить крайне малое вліяніе греческаго элемента въ текстовомъ составѣ нашихъ пѣвческихъ рукописей? Понятно, что пѣвцы-греки могли пѣть преимущественно по

гречески и писать для себя и для русских пѣвчія рукописи съ преобладающимъ греческимъ содержаніемъ, или, по крайней мѣрѣ, съ очевиднымъ вліяніемъ греческой науки на русское изложеніе. Но почему же тогда такъ незначительны по объему и по значенію греческія текстовыя вставки въ наши древнѣйшія рукописи? Почему у насъ, русскихъ, совершенно нѣтъ русскихъ пѣвчихъ книгъ съ греческими нотами, подобныхъ существующимъ, напримѣръ, во всей нынѣшней Болгаріи, Буковинѣ, Молдавіи и Румыніи? Почему у насъ совершенно нѣтъ древнихъ, писанныхъ въ Руси греческихъ пѣвчихъ книгъ съ нашимъ знаменнымъ изложеніемъ? Не представляются ли пріѣзды грековъ-пѣвцовъ имѣвшими учительное значеніе гораздо меньшее, чѣмъ приписываемое имъ лѣтописями?

У насъ любятъ ссылаться на извѣстное и будто бы прямое указаніе Степенной книги, въ которомъ говорится о прибытіи трехъ пѣвцовъ-грековъ съ ихъ семьями, положившими начало русскому пѣвческому искусству. Но вѣдь эта запись сдѣлана 300 лѣтъ спустя, и притомъ самое простое разсмотрѣніе ея подробностей и сопоставленіе съ несомнѣнными документами не можетъ не привести къ выводу, также ослабляющему рѣшительное, повидимому, значеніе свидѣтельства Степенной книги. По извѣстному изданію Миллера (Степенная книга, Степень второй, глава шестая, л. 224) значитъ: «Вѣры ради христоролюбиваго Ярослава, пріидоша къ нему отъ Царяграда богоподвигаемы трие пѣвцы гречестіи съ роды своими. *Отъ нихъ же начатъ быти* въ Русскѣй землѣ ангелоподобное пѣніе, изрядное осмогласіе, *наипачеже* и трисоставное сладкогласованіе и самое красное демественное пѣніе».

Если разобраться въ этой записи, то получаютъ слѣдующія подробности: 1) слова «отъ нихъ же начатъ быти» пѣніе только

4-хъ родовъ (а не 6), могутъ означать, что пѣніе съ половины XI в. либо было начато, либо, по крайней мѣрѣ, приведено въ порядокъ именно этими прѣзжими «съ роды своими» пѣвцами-греками. Но такому утверженію прямо противорѣчитъ напичанность системы имѣющихся у насъ древнихъ рукописей, несомнѣнно русскихъ, и полная, очевидная надобность допустить существованіе русскаго пѣнія со времени крещенія Руси, и даже гораздо древнѣе. 2) Пѣніе, по указанію Степенной книги, раздѣляется ясно на 2 рода, по 2 вида въ каждомъ: а) на пѣніе ангелоподобное и на изрядное осмогласіе, то-есть, пѣніе на подобны и пѣніе осмогласное (то-есть, малый и большой знаменный распѣвы), или пѣніе уставное; затѣмъ б) *наипачеже*, то есть, особо выдѣляемое, внѣуставное пѣніе: «трисоставное сладкогласованіе» (3-хъ голосное?)—содержаніе котораго вполне неизвѣстно, и «самое красное демественное пѣніе» —вѣроятно отчасти возродившееся потомъ въ донынѣ живомъ демествѣ. Достойно вниманія прежде всего то, что здѣсь нѣтъ упоминанія о *кондакарномъ* пѣніи, котораго, безъ сомнѣнія, лѣтописецъ не могъ не знать, тѣмъ болѣе, что едва ли есть возможность сколько-нибудь счесть «трисоставное сладкогласованіе» за кондакарное пѣніе, какъ извѣстно, не имѣющее въ себѣ ничего трисоставнаго. Неполнота указанія Степенной книги увеличивается еще и отъ неупоминанія о собственно-греческомъ пѣніи, несомнѣнно бывшемъ въ древней Руси. Если довѣрится всеѣмъ этимъ соображеніямъ, то выходитъ, что въ древней Руси было шесть родовъ церковнаго пѣнія, а не четыре: донынѣ уцѣлѣвшіе, хотя и съ значительными перемѣнами, малый (на «подобень») и большой (столповой) знаменный распѣвъ, или: «ангелоподобное пѣніе и изрядное осмогласіе» въ качествѣ уставнаго богослужебнаго пѣнія; затѣмъ, 2 рода внѣуставнаго пѣнія: совершенно неиз-

вѣстное «трисоставное сладкогласованіе» и «самое сладкое дѣмественное пѣніе», наконецъ: вышедшія изъ употребленія кондакарное пѣніе, уцѣлѣвшее въ древнѣйшихъ рукописяхъ, и греческое пѣніе, видимое только въ незначительной въ сравненіи съ русскимъ долѣ распѣтыхъ текстовъ съ русскими, однако, надъ ними знаменами. Очевидна поэтому неполнота и неопредѣленность свидѣтельства Степенной книги, записаннаго, какъ сказано, 300 лѣтъ спустя.

Итакъ, все вышеизложенное можно свести къ слѣдующимъ двумъ положеніямъ: 1) полная разность графическихъ принциповъ древняго сербскаго, древняго болгаро-греческаго и древняго русскаго пѣвческаго письма очевидна и несомнѣнна, хотя нѣкоторые остатки византійскаго теоретическаго вліянія не исключаютъ возможности отдаленнаго воздѣйствія греческаго пѣнія на русское. 2) Недостаточна и, по крайней мѣрѣ, сомнительна полнота и логичность нѣкоторыхъ выводовъ изъ сопоставленія разныхъ ученыхъ изысканій со скудными свидѣтельствами нашихъ лѣтописей.

Какъ объяснить къ тому же, что въ XI вѣкѣ наша пѣвческая система въ письменномъ ея развитіи была уже вполне достаточно законченною, а въ мелодической своей части, несомнѣнно, самостоятельною? И въ самомъ дѣлѣ: откуда могли у насъ явиться сейчасъ же послѣ крещенія Руси столь многочисленныя и столь совершенныя рукописи, несомнѣнно и только русскія? Откуда могла попасть къ намъ въ то время и въ такомъ полномъ развитіи цѣлая музыкальная система, хоть бы и заимствованная въ мелочахъ у грековъ, но не встрѣчающаяся нигдѣ кромѣ Руси?

Невольно вспоминаю преданіе о томъ, что еще св. апостоль Андрей проповѣдывалъ христіанство на равнинахъ нашей ро-

дины и водрузилъ крестъ на Кіевской горѣ. Миѣ представляется позволительнымъ думать вообще, что православіе было сильно на Руси очень задолго до Аскольда и Дира, до св. Ольги. Христіане русскіе, конечно, не могли пѣть въ то время по гречески, и они несомнѣнно могли, хотя бы и подъ косвеннымъ вліяніемъ грековъ-теоретиковъ, создать свои мелодіи, присущія ихъ слуху и музыкальному чувству, — могли создать свою нотацию для записи этихъ мелодій. Въ силу такого предположенія вполне допустимо и, думаю, несомнѣнно, что къ времени крещенія Руси эти мелодіи, уже записанныя, могли имѣть вѣковую давность, надлежащую законченность, сдѣлавшую ихъ годными для употребленія во всей русской церкви, сдѣлавшую ихъ способными дожить даже и до нашихъ дней. Это давнишнее русское изобрѣтеніе нисколько не предвосхитило незабвенной дѣятельности славянскихъ первоучителей свв. Кирилла и Меѳодія, вѣроятно, только приведшихъ въ порядокъ и въ надлежащую полноту все славянское богослуженіе, сдѣлавъ переводы всего недостававашаго. Повидимому, и самыя *жизности наидревнѣйшихъ редакцій* однихъ и тѣхъ же пѣснопѣній весьма выразительно подтверждаютъ мысль о разновременныхъ переводахъ весьма многихъ богослужебныхъ текстовъ. Поэтому, что можетъ быть проще и естественнѣе предположенія, что въ эту самую сѣдую старину, хотя бы и подъ нѣкоторымъ вліяніемъ греческой музыкальной теоріи, была создана своими силами знаменная нотациа, прямо съ цѣлью записи своихъ же мелодій, — нотациа, существующая неизмѣнно въ главныхъ своихъ основаніяхъ вмѣстѣ съ напѣвами даже и до нашихъ дней? Отчего, разобравшись въ данныхъ, хотя бы и смутныхъ, не склониться къ мысли, что эта музыкальная грамота есть чисто русское, гениальное изобрѣтеніе? Мы уви-

димъ далѣе, что русскіе художники и впоследствии изобрѣтали разныя нотациі, что живо, на примѣръ, до сихъ поръ демественное пѣніе и т. п. Что можетъ помѣшать утверженію, что знаменное пѣніе и письмо создано русскимъ умомъ и его же усиліями усовершенствовано до степени безукоризненнаго искусства?

Въ связи съ этими соображеніями, какъ кажется, будутъ весьма согласны наблюденія надъ кондакарнымъ знаменемъ. Вѣроятно, эта нотациа не была достаточно самостоятельна и была вскорѣ изъята изъ употребленія за ея несовершенствами въ чемъ-либо.

Это нотациа, названіе которой произошло отъ слова «кондакаръ», то-есть, собраніе кондаковъ, распѣтыхъ по особой системѣ нотъ, есть пока полнѣйшая загадка и, вѣроятно, не скоро прочтется по ея полному забвенію. Въ знаменныхъ древнѣйшихъ книгахъ кондаковъ нѣтъ совсѣмъ. Двухрядныя кондакарныя ноты по своей системѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ бы похожи, хотя и чрезвычайно отдаленно, на греческія, а во многихъ другихъ случаяхъ вполне самостоятельны по своимъ рисункамъ. За то *мартири* въ кондакарномъ знамени несомнѣнны и очевидны, а это указываетъ на одинаковое съ греческимъ пѣніемъ теоретическое строеніе кондакарной нотациі. Начертанія кондакарныхъ мартирій совершенно несходны съ греческими (см., на примѣръ, Этюдъ о византійской музыкѣ о. Іоанна Тибо, въ *Визант. Временникъ* № 1, 1899, л. 4; см. ниже снимки №№ 5, 6 и 7), но употребленіе ихъ вполне одинаково во всѣхъ извѣстныхъ донинѣ кондакаряхъ. Своеобразныя прибавки къ текстамъ вродѣ «хавуа, ховуо, хивул, хохо, хаха» и т. п. весьма близки къ старинному болгарскому текстовому украшенію «хубово» и къ уцѣлѣвшимъ у болгаръ прибавкамъ «хаха» въ распѣвахъ, называющихся «забавными»;

близко это также и къ долго употреблявшемуся «хебуве» и, можетъ быть, къ длиннѣйшей знаменной оитѣ «хабува».

№ 5. Образецъ кондакарнаго знамени XI—XII вѣка. Пѣвческіе знаки расположены почти вездѣ въ два ряда; въ текстѣ имѣются безъ нотнаго означенія $\bar{a}$ (въ началѣ 1-й и предпоследней строки), $\bar{c}$ —по разу въ 1, 2, и 4 строкахъ, 3 раза въ 6-й и по 2 раза въ 7-й и 8-й строкахъ. Последніе знаки, какъ и имѣющіеся при изложеніяхъ въ другихъ гласахъ, представляются мнѣ мартиріями. Въ этомъ примѣрѣ встрѣчаются и продолженія гласныхъ съ буквою X—„господи-хи-хи“ (стр. 4-я), богоро-хохо-дица (стр. 3 и 2 снизу); продолженія одной гласной, вродѣ практиковавшаго въ путевоѣ знамени такого же письма одной буквы для каждаго послѣдующаго пѣвческаго знака, вѣроятно, употреблялось для облегченія пѣвца и отдѣленія частей мелодій. Напримѣръ, Яа—два знака,—косоо—4 знака, $\bar{a}$ —мартирія, на—1 знакъ ($\bar{c}$ —мартирія), таааа—4 знака (а—мартирія), тхх—два знака, почему второй х, очевидно, подписанъ позднѣе и т. п. Текстъ этого примѣра, минуя удвоенія и продолженія гласныхъ, равно и мартиріи читается такъ: „Яко начатки роду и содѣтелю твари вселенная приносятъ ти господи богоносныя мученики, тѣхъ молитвами въ міръ пространъ церковь свою и весь градъ твой богородица ради соблюди многомилостиве“.

Снимокъ съ Кондакаря (Устава) Моск. Синод. Типографіи, № 142, л. 91 об.

Всѣ усилія прочесть кондакарное знамя до сихъ поръ не привели ни къ чему. Мои долговременныя разсматриванія московскихъ кондакарей и особенно Троицкаго и Синодальной

типографіи *) привели только къ слѣдующимъ очень незначи-
 тельнымъ результатамъ: 1) кондакарными нотами излагались
 не одни только кондаки, но и многіе тексты, прямо подчи-
 ненные осмогласію. Это доказывается, напримѣръ, распѣвомъ па
 всѣ гласы текста «Всякое дыханіе да хвалить Господа» (см.
 ниже снимки №№ 6 и 38). 2) Кондакарная нотація вводилась

№ 6. Образецъ кондакарнаго знамени на текстъ не кондака, а обычнаго
 стиха, распѣваемаго доншѣ на 8 гласовъ. Минуя добавочныя въ текстъ
 украшенія, вродѣ: хивуи, хавуа и пр. текстъ читается такъ: „Всяко ды-
 ханье да хвалите господа“. Мартирія: ѿ имѣются въ первыхъ двухъ стро-
 кахъ.

Снимокъ съ Кондакаря Московской Синод. Типографіи № 142, л. 102 об.

въ качествѣ эпизода въ знаменное пѣніе (напримѣръ, см. снимокъ
 № 7), что явно указываетъ на совмѣстное иногда употребле-
 ніе обѣихъ нотацій. и это, можетъ быть, есть ключъ къ раз-
 гадкѣ этой таинственной пока нотописи. 3) Связь графическая
 между знаменными, греческими и кондакарными начертаніями

*) Всѣхъ кондакарей извѣстно 5: два — не изъ лучшихъ, въ Моск.
 Патріаршей Библиотекѣ, 1—въ Моск. Синодальной Типографіи, очень хо-
 рошій 1 въ Троицкой Лаврѣ и 1 въ Императорской Публичной Библио-
 текѣ, такъ называемый, „Благовѣщенскій“; послѣдній—наилучшій.

II.

Главные, кромѣ рукописей, источники исторіи церковнаго пѣнія.—О живомъ еще древнемъ пѣніи у старообрядцевъ и особенно у беспоповцевъ.— Значеніе этого пѣнія, какъ незамѣнимаго подспорья для науки, повѣряющей рукописные документы и прилагающей современную музыкальную технику для будущей истинно-русской музыки.—Главнѣйшіе моменты, вызвавшіе расширеніе объема русскаго церковнаго пѣнія и принятіе пятилинейной нотации Кіевской (а не иноземной).—Дѣятельность Александра Мезенца.—Вырожденіе знаменнаго пѣнія въ городахъ подъ давленіемъ нотнаго. — Появленіе гармонизацій и сочиненій свободнаго стила. — Два направленія въ области церковнаго пѣнія съ конца XVII вѣка: *новое*, приведшее къ полному шатанію мыслей и къ забвенію роднаго искусства но и создавшее вмѣстѣ русское хоровое искусство, и *старое*, сохранившее древніе напѣвы и знаменное письмо.—Достаточное, даже до избытка, число сохранившихся рукописей всякаго рода пѣнія и всякой древности.—1-е преобразование русскаго пѣнія въ концѣ XIII, или въ началѣ XIV вѣка.—Несомнѣнность этого преобразования, несмотря на полное отсутствіе указаній въ лѣтописяхъ. — Сравнительное изслѣдованіе одного и того же текста въ нынѣшней редакціи и во всѣхъ болѣе древнихъ.—Указаніе о сохранности формы сочиненія и остова напѣва.

Знаменная нотация, какъ и исторія церковнаго пѣнія въ Россіи, начата изученіемъ въ Россіи послѣ трудовъ незабвеннаго профессора Московскои консерваторіи протоіерея о. Дмитрія Васильевича Разумовскаго. Ему принадлежит заслуга серьезной научной постановки своего предмета и изобрѣтеніе способа типографскаго печатанія двухъ главныхъ древне-русскихъ нотаций, то-есть, знаменной и демественной.

Огромную услугу нашему предмету сдѣлало монументальное изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней

Письменности и Искусства подъ заглавіемъ: «Кругъ церковнаго древняго знаменнаго пѣнія» (№ LXXXIII, въ шести частяхъ). Русская наука въ правѣ ждать очень многого отъ столь усерднаго и даровитаго ученаго, какъ священникъ о. Василій Михайловичъ Металловъ (нынѣ профессоръ Московскои консерваторіи), уже издавшій весьма значительныя свои изслѣдованія въ нашей области.

Но есть еще, кромѣ питающейся рукописями науки, и живое пѣніе. Знаменная нотація, къ счастью нашей науки, еще жива въ устахъ старообрядческихъ пѣвцовъ, и это практическое ея пользованіе составляетъ для изслѣдователей-музыкантовъ самое незамѣнимое подспорье. Для изслѣдователей русской рѣчи и для филологовъ-музыкантовъ особенно интересно это живое пѣніе у такъ называемыхъ безпоповцевъ-оедосѣвцевъ, строго сохраняющихъ «древлее раздѣльнорѣчіе», или хомовое пѣніе. Въ этомъ пѣніи приходится наблюдать самыя удивительныя фонетическія измѣненія *въ выговорѣ* русской рѣчи, сохраняемыя будто бы въ полнѣйшей неприкосновенности съ незапамятныхъ временъ.

Живое пѣніе даетъ изслѣдователю еще то, что «не писано въ книгахъ сихъ». Не слѣдуетъ огорчаться тѣмъ, какъ исполняютъ старообрядцы древніе нагѣвы. Наши обычныя требованія музыкальной красоты исполненія, столь подчиненныя требованіямъ западнаго искусства, конечно, находятся въ полномъ противорѣчій съ тѣмъ, что считается у старообрядцевъ истово-русскимъ и истинно-прекраснымъ. Но намъ полезно сообразить, оцѣнивая хотя бы *a priori et ad futurum* это здоровое и родное искусство, что значать быстрыя перемѣны въ западно-европейскихъ вкусахъ и въ музыкально-теоретическихъ взглядахъ. Должно быть понятно и то, какъ беспочвенны наши увлеченія этимъ чуждымъ искусствомъ, въ сравненіи съ род-

нымъ, не страдающимъ угодливостью чьимъ-либо вкусамъ, но полнымъ незыблемо-крѣпкою дисциплиною, эпическою простотою и спокойнымъ величіемъ въ своемъ содержаніи. Поэтому вопросъ о томъ, каково внѣшнее впечатлѣніе отъ слушанія нами древнихъ напѣвовъ дѣлается малозначительнѣе въ сравненіи съ представленіемъ о важности самого содержанія пѣнія, то-есть, съ вопросомъ о томъ, *что* кроется въ нашихъ древнихъ напѣвахъ для будущаго русскаго искусства?

Намъ, православнымъ, невольно приходится останавливаться предпочтительно на старообрядческомъ крюковомъ пѣніи, несмотря на то, что тѣ же напѣвы, съ новоисправленнымъ текстомъ, во многомъ сохраненные, сполна признаны въ господствующей церкви и издаются болѣе ста лѣтъ Св. Синодомъ для церковнаго употребленія и школьнаго обученія. Причина тому—усвоенная въ этихъ изданіяхъ нотація въ цефаутномъ ключѣ, по правдѣ сказать, никуда негодная не только въ сравненіи съ крюками, но и сама по себѣ. Отсутствіе всякихъ указаній относительно ритмовъ, строенія формъ и оттѣнковъ исполненія въ изложеніи по цефаутному ключу даетъ читателю только сухой абрисъ напѣва, а не живую картину въ краскахъ. Поэтому тѣмъ цѣннѣе легкая возможность изучить живую еще знаменную нотацію и, съ ея помощью, равно какъ и съ указаніями современной науки, доходить, постепенно углубляясь въ даль минувшихъ вѣковъ, до научнаго уясненія основаній древняго родного искусства.

Политическіе успѣхи Москвы, ставшей черезъ 100 съ небольшимъ лѣтъ огромнымъ царствомъ послѣ сверженія татарскаго ига, вполне естественно отражаются и на успѣхахъ церковнаго пѣвческаго искусства. Расширеніе автономіи русской церкви, канонизація святыхъ на двухъ соборахъ при царѣ

Иванъ Грозномъ, учрежденіе патриаршества—сильно измѣнили составъ нашего пѣнія въ періодъ отъ середины XV до начала XVII вѣка. Отливъ этой волны сказался въ буряхъ смутнаго времени и почти всего XVII вѣка, отразившагося въ пѣвческомъ искусствѣ чуть не въ каждомъ десятилѣтіи. Отдѣльное образовательное теченіе, начиная отъ Кіевскаго митрополита Петра Могилы, продолжая Симеономъ Полоцкимъ и кончая Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, входитъ клиномъ въ старое церковно-пѣвческое московское искусство и расшатываетъ его надолго. Какъ-то сразу ослабѣваетъ старая крюковая дисциплина, вводятся иноземные роспѣвы, пятилинейная нотація и хоровое сочиненіе на иноземный ладъ. Весь, очевидно, связанный рядъ этихъ событій и ихъ послѣдствій усиливается въ XVIII вѣкѣ, къ явному вреду древняго искусства, влияніемъ иноземцевъ и ихъ русскихъ послѣдователей, выросшимъ чуть не до полного ихъ господства въ церковномъ пѣніи.

И въ самомъ дѣлѣ: принятіе московскими пѣвцами кіевской пятилинейной нотной системы прежде всего разрушило внутреннюю связь, имѣющуюся въ знаменномъ письмѣ съ строепіемъ самого напѣва, его мелодіею и отгѣнками исполненія *). Это разрушеніе связи напѣва съ его письмомъ пошатнуло бывшую до того его графическую неизбежность саму по себѣ и оттого твердость въ употребленіи въ храмѣ. Чрезвычайная на

*) Связь эту, въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно сильную и выразительную въ крюковомъ пѣніи, можно уподобить деликатному и тонкому отношенію нашего письма къ рѣчи и впечатлѣнію, получаемому отъ записи рѣчи чужимъ алфавитомъ. Достаточно попробовать написать свое имя, отчество и фамилію, напримѣръ, готико-нѣмецкимъ, или греческимъ письмомъ, чтобы почувствовать значеніе этой связи и грубость чужого алфавита въ сравненіи съ своимъ, роднымъ.

первый раз легкость пятилинейнаго письма и чтенія по нему показалаь въ то время вразумительною и достаточною тѣмъ пѣвцамъ, которые еще выросли на крюковомъ пѣніи, отлично знали напѣвы и удивились наглядности абриса напѣва въ изложеніи пятилинейными нотами. Эти пѣвцы, къ сожалѣнію, не сумѣли прозрѣть послѣдствій этой ошибки. Понялъ ее въ свое время извѣстный старецъ Александръ Мезенець, защищая словомъ и дѣломъ знаменное письмо *). «Круподуше-

*) Считаю умѣстнымъ сообщить здѣсь найденныя недавно новыя данныя о такомъ замѣчательномъ человѣкѣ, какъ Александръ Мезенець. До сихъ поръ было извѣстно только, что онъ былъ старцемъ Саввинскаго Звенигородскаго монастыря, справщикомъ Московской Синодальной типографіи и представителемъ комиссіи 1667 г. по исправленію знаменныхъ книгъ. О Разумовскій даже разыскалъ въ вѣдомостяхъ росписки Мезенца въ полученіи имъ жалованья. Мнѣ удалось найти цѣлую крюковую книгу, подаренную Мезенцомъ нѣкому Черницыну и снабженную его автобіографическимъ стихотвореніемъ. Эта драгоценная рукопись хранится въ библиотекѣ Синодальнаго училища подъ № 98. Она заключаетъ въ себѣ знаменную общую Минею и трезвоны 8 іюля и 16 августа, въ $\frac{1}{4}$ д. л. на 144 листахъ. Въ началѣ рукописи значится:

Предмолвленіе черезъ двоестрочіе на святую книгу сію:

Богу убо во благихъ поспѣшествующу:
 Во еже на пользу человѣкомъ строящу.
 Прошенія рабовъ своихъ не презираеть:
 Благостію же своею вся исполняетъ.
 Церкви убо своей придаетъ на лѣпоту:
 Послушающимъ на душевную красоту.
 На сіе дѣло труждашагося принуждаеть:
 Рачителю и тщателю книгу вручаеть.
 Труждшійся въ семъ дѣлѣ монахъ Александеръ:
 Въ праворѣчномъ же пѣніи издатель властенъ.
 Родоводительствомъ Черкасъ иноземець:
 Клиросскимъ прозваніемъ случайный Мезенець.
 Отца имуща Іоанна малоросца:
 Сѣверскихъ же странъ прежде бывша Новгородца.

ствующіе и блязнящіеся» не вняли мудрому и дальновидному увѣщанію старца. Связь между напѣвомъ и его изложеніемъ была порвана переходомъ отъ крюковъ къ нотамъ. Слѣдующее

Сія убо нынѣ книга добре вручена:
И во ученіи благоиспоручена.
Царствующаго бо града Москвы жителю:
Красногласовнаго пѣнія рачителю.
Ямскаго приказа властному подъячому:
Павлу Черницыну любезному тщателю.
Елико бо азъ мастеровѣнія пріяхъ:
Толико жъ ему при святомъ Бозѣ и вдахъ.
Мню яко ни една черта утаися:
Въ пѣніи тайная вся ему вручися.
Въ лѣто отъ созданія міра 1371 (7185)
Отъ воплощенія Бога Слова 1677 (1677)
Рукописана бо мѣсяца десятаго (июнь)
Богу совершившу дня пятнадцатаго.

Подлинность рукописи, кромѣ ея мастерства, доказывается подписью внизу ея (2 об.—32 л.) листовъ такого содержанія: „Лѣта 1371 году, мѣсяца августа въ 31 день, сія книга, глаголемая Миняея общая, Ивановскаго дѣвичія монастыря, что на Москвѣ, церковнаго дьяка Петра Григорьева сына Сѣркова, а купилъ ее у подъячаго Ямскаго приказу у Павла Черницына“, то-есть, черезъ 4 года послѣ написанія книги Мезенцомъ.

Позволяю себѣ сообщить также и о другомъ, едва ли автографическомъ стихотвореніи Александра Мезенца, найденномъ мною въ одной рукописи изъ Ниловой пустыни. Рукопись эта также хранится въ библиотекѣ Синодальнаго училища, подъ № 728. Рукопись эта безпризначная, что, въ виду даты стихотворенія (1666 г.), прямо несогласно съ направлениемъ преобразовательной дѣятельности Александра Мезенца. Не похожъ и почеркъ какъ стихотворенія, такъ и самой знаменной рукописи, заключающей въ себѣ Ирмологій, Октоихъ съ Евангельскими стихирами, Евангельскія стихиры большого роспѣва, Троичны и Обиходъ великій—смѣшаннаго текста, въ $\frac{1}{4}$ д. листа, на 403 листахъ. Вотъ это стихотвореніе:

Богъ чловѣколюбивый и благосердый:
милуяй раба своего яко всещедрый.

поколѣшіе, выросшее на нотахъ, уже утерало эту деликатную связь и отчуждилось отъ знаменнаго пѣнія, а дальнѣйшія поколѣнія забыли родное искусство въ такой степени, что черезъ

Вънынѣшняя убо настоящая лѣта:
 подъ солнцемъ в'россіюжителехъ сего свѣта.
 Ввѣривъ себѣ благопослушлива тшателя:
 новоизбранна въ пѣніи прилежателя.
 Добре пекущагося о исправленіи:
 книжнаго любопытательства раченіи.
 Князя Георгія Урусова бодрѣйшаго: (на брезѣ: „Юрья“) —
 Симеоновича во тшаніи добрѣйшаго.
 В'дому его славншемъ и благознаменитомъ:
 Богомъ снабдѣваемомъ всегда и кранимомъ.
 Его дуксовымъ прилежнѣйшимъ усердіемъ:
 Бога же премудродавца благосердіемъ.
 Снискася сія книга трудомъ и тшаніемъ:
 неотложнымъ во пѣніи прилежаніемъ.
 Во знамени единомъ точію и въ помѣтахъ:
 свершеноучительскихъ согласныхъ примѣтахъ.
 Александра монаха родомъ иноземца:
 клиросскимъ прозваніемъ властнаго Мезенца.
 Старожительствомъ отца имуща Бѣлоросца:
 Сѣверскія страны бывшаго Новгородца.
 С'древнихъ знаменныхъ письменныхъ пѣвчихъ преводовъ:
 осмотысячнаго вѣка настоящихъ годовъ.
 Подписать Александеръ своею рукою:
 познавай поущій своей остротомъ
 Мѣсяца рукохудожественно десятаго: (то-есть іюнь)
 Богу свершившу дня первонадесятаго.
 Въ лѣто отъ созданія міра 3904 (7174)
 отъ воплощенія же Бога Слова 4866 (1666).

Стихотвореніе это подписано почему-то: „Monach Alexander Stremmo-
 uschow“. Подпись эта нѣсколько разъ повторяется при окончаніи отдѣ-
 ловъ книги. Внизу первыхъ листовъ рукописи. (л. 2—22) есть подпись:
 „Въ лѣто 3904 сію книгу ирмологіи *Князь Юрій Семеновичъ Урусовъ* по
 своей вѣрѣ и общанію дать вкладомъ сію книгу в'домъ святыхъ Бого-

100—125 лѣтъ послѣ принятія нотной системы повнадобились уже разныя мѣры, въ томъ числѣ и синодальныя изданія, чтобы спасти въ городахъ хотя бы память о древне-русскомъ родномъ искусствѣ.

Съ другой стороны пѣвческія увлеченія Россіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв., о которыхъ, разумѣется, не говоримъ въ осудительномъ смыслѣ, выработали у насъ своеобразный, русскій же, способъ служенія новому, заимствованному съ Запада искусству. Событія нашей гражданской и церковной исторіи создали у насъ въ области храмового пѣнія два направленія, совершенно непримиримыя въ прошломъ, умышленно удалявшіяся другъ отъ друга, подчеркивавшія, такъ сказать, свою рознь и взаимное отреченіе. Только теперь, черезъ 200 слишкомъ лѣтъ, начинается очевидное и знаменательное ихъ сближеніе и вѣроятное ихъ примиреніе.

Первое изъ нихъ—городское, усвоенное сначала самыми высшими классами русскаго общества, недолго помнило свою старину, а затѣмъ, увлекшись, забыло не одно только церковное пѣніе. Музыкальная даровитость русскаго племени, однако, проявилась и тутъ съ удивительною успѣшностью, скоро создавъ у насъ превосходное по стройности хоровое церковное пѣніе и своеобразную пѣвческую литературу.

Огромная масса русскихъ хоровыхъ переложеній разныхъ напѣвовъ и оригинальныхъ сочиненій этого времени можетъ показаться прямо невѣроятною, если бы ея несомпѣнная наличность не могла быть доказана существующими рукописями. Въ какія-нибудь 50—75 лѣтъ русскіе люди успѣли

явленій и преподобнаго чудотворца Нила въ Столобенскую пустынь“—съ обычнымъ послѣдующимъ закліатіемъ. Снимокъ заглавнаго листа этой рукописи слѣдуетъ ниже подъ № 22.

не только усвоить себѣ западную музыкальную науку, но и обрусить нѣкоторые неудобные для слуха приемы голосоведенія, подбавивъ къ тому еще и свои додумки относительно формъ. Вполнѣ правильно и естественно шло развитіе этого направленія: сначала оно занялось гармонизаціей своего пѣнія, сдѣлавъ ее на всякое число голосовъ, во множествѣ редакцій всякаго сорта и во всѣхъ родахъ и областяхъ пѣнія русскаго, греческаго и болгарскаго; затѣмъ художники этого направленія обратились къ свободному сочиненію и на его просторѣ создали, кромѣ обычныхъ рамокъ хорового письма, еще и пѣчто такое, что повергаетъ насъ теперь только въ недоумѣніе о способахъ и о возможности исполненія такихъ сочиненій въ храмахъ. Достаточно сказать, что, кромѣ великаго множества сочиненій для обычнаго 4-хъ-голоснаго хора, предварительный только обзоръ хоровыхъ сочиненій по рукописямъ XVIII вѣка убѣдиль въ существованіи необозримой массы сочиненій для 2, 3, 4, 6 и 12 одновременно поющихъ 4-хъ-голосныхъ хоровъ, то-есть, сочиненій, написанныхъ на 8, 12, 16, 24 и 48 голосовъ. Однихъ 12-ти-голосныхъ концертовъ и «Службъ Божіихъ» мною зарегистрировано уже до 500. Закапанная воскомъ и истрепанная тетради прямо указываютъ на весьма частое исполненіе этихъ сочиненій въ ту пору, которую отнюдь нельзя упрекнуть въ неимѣніи изящнаго и тонкаго вкуса въ музыкѣ.

Но и это столь обширное и своеобразное творчество было вышиблено изъ своей колеи, когда ему пришлось переживать вліяніе иноземцевъ, начиная съ Бирона и кончая временемъ императрицы Екатерины II. Появленіе всякихъ Цопписовъ, Галуппи, Сарти создало цѣлый рядъ ихъ русскихъ учениковъ, культивировавшихъ вполнѣ уже чужое намъ искусство не хуже

своихъ учителей. Таковы: Дегтяревъ, Березойскій, Давыдовъ, Ведель и мн. др. И на этотъ разъ русское чувство все-таки отвѣтило, несмотря на продолжительность и властность вліянія, совершенно также, какъ и во всѣхъ ранѣ бывшихъ аналогичныхъ случаяхъ, то-есть, оно отвергло все для себя негодное, приняло все дѣйствительно хорошее и переработало по своему все то, что было ему надобно. Упорное стремленіе къ гармонизаціи древнихъ напѣвовъ возгорѣлось съ новою силою и, какъ ни странно, нашло для себя первыхъ работниковъ среди тѣхъ же италянствовавшихъ художниковъ. Вѣроятно, они чувствовали еще красоту древняго распѣва и, малодушно работая въ угоду времени и его вкусамъ, все же понимали надобность хорошей гармонизаціи. Во всякомъ случаѣ, извѣстный проектъ Бортнянскаго, труды Турчанинова, затѣмъ Львова съ Ломакинымъ и Воротниковымъ и, наконецъ, переложенія Потулова представляютъ собою вполне правильный ростъ мысли о гармонизаціи древнихъ распѣвовъ, какъ противодѣйствія водворившемуся италянскому стилю. Дальнѣйшее развитіе этой мысли принадлежитъ здравствующимъ нынѣ работникамъ. Современные художники сами идутъ навстрѣчу второму направленію, столь непримиримому въ прошломъ, а нынѣ — столь цѣнному по живой еще въ немъ практикѣ древнихъ распѣвовъ, исполняемыхъ не по нотамъ, а по крюкамъ.

Это второе направленіе, столь устойчивое, народное и правильное въ сравненіи съ первымъ, есть преимущественно единовѣрческое и старообрядческое, частью православное-сельское и въ немногихъ случаяхъ — монастырское. Это направленіе нынѣ все болѣе и болѣе оцѣнивается наукою. Это направленіе, умышленно и частью односторонне замкнувшееся въ преда-

ніяхъ и строгихъ традиціяхъ стариннаго пѣнія, отшатнувшись отъ «новшества», свято и живо сохранило родное искусство въ письмѣ и на практикѣ, оказывая тѣмъ возможность сдѣлать для нашей музыкальной науки самыя существенныя услуги. Подчеркивая здѣсь мысль, что русская народная пѣсня, эта родная сестра нашего древне-церковнаго пѣнства, еще не записана въ своихъ мелодіяхъ, и что знаменное и демественное пѣніе давно снабжены отличнымъ специальнымъ письмомъ, я убѣжденно утверждаю, что знаніе живого церковно-пѣвческаго письма имѣетъ внести весьма много свѣта въ занятія изслѣдователей строенія мелодій русской народной пѣсни. Нужды нѣтъ, что старообрядческіе пѣвцы мало образованы вообще; они хорошо знаютъ свое дѣло, не утратили главнѣйшія подробности теоріи знаменнаго пѣнія и сохранили отѣнки его исполненія; у нихъ живы еще по пѣвческимъ преданіямъ и многія неписанныя въ книгахъ подробности, напри- мѣръ, о произношеніи текста, о высотѣ тона, объ общей скорости исполненія и т. п. Поэтому музыканты и ученые всегда могутъ повѣрять свои обобщенія и открытія на опытѣ живыхъ носителей старины, и музыкальная археологія прямо пріобрѣтаетъ ясный и практическій смыслъ, помогая въ дѣлѣ возрожденія у насъ роднаго искусства и сознательнаго утвержденія его красоты съ помощью современной художественной техники.

Не слѣдуетъ отступать передъ началомъ возрожденія въ виду небольшихъ еще успѣховъ нашей молодой науки, имѣющей такое отличное и живое подспорье. Умное и серьезное памятованіе о прожитыхъ двухъ съ половиной вѣкахъ, обо всемъ неволью минувшемъ и отжившемъ, обо всемъ уцѣлѣвшемъ и способномъ къ жизни и къ развитію, нисколько не ведетъ

ни къ упрямому застою, ни къ близорукому пользованію всѣмъ старымъ безъ разбора, а тѣмъ болѣе къ одностороннимъ увлеченіямъ. Въ нашихъ рукахъ—наука и пробужденіе съ свѣжими силами. Не трудно разобратъ въ томъ, что ведетъ прямо къ цѣли, то-есть, не трудно изложить точно и доступно древніе напѣвы, чтобы передать ихъ для обработки въ руки художниковъ. Гораздо труднѣе достиженіе дальнѣйшихъ чисто археологическихъ цѣлей, то есть, выясненіе всей постепенности роста русскихъ музыкальныхъ идей. Намъ доступно пониманіе русскаго музыкальнаго мышленія за послѣднія почти 400 лѣтъ, но уясненіе его источниковъ потребуеъ еще много труда и остроумія отъ будущихъ работниковъ. Только постепенное и систематическое углубленіе въ даль прошлаго и умершаго отъ существующаго живого можетъ привести къ постепенному раскрытію древнѣйшихъ и, конечно, простыхъ основаній нашихъ мелодій. Дорога эта хотя и медленная, но вѣрная и, несомнѣнно, плодотворная, особенно при полной возможности и легкости сравнительнаго изученія рукописей. Пока мы едва дошли только до точнаго чтенія рукописей начала XVI, или конца XV, вѣка. Причины этой недостаточности нашихъ знаній заключаются, конечно, въ благоразумной осторожности заключеній и въ большой тратѣ времени на сравнительное изученіе разныхъ одновременныхъ и разномѣстныхъ рукописей.

А между тѣмъ рукописей, особенно XVII вѣка, сохранилось у насъ чрезвычайно много и богатство ихъ содержанія прямо удивительно и прямо соотвѣтственно для самой важной въ практическомъ смыслѣ цѣли, то-есть, музыкальной, пѣвческой.

Понятно, что памятники болѣе древніе встрѣчаются тѣмъ рѣже, чѣмъ они старѣе по своему написанію. Но и здѣсь мы

далеко не бѣдны, особенно для той эпохи, которую слѣдуетъ считать исходною для подробностей живого доньнѣ русскаго знаменнаго письма. Эпоха эта—конецъ XIII, или начало XIV, вѣка, а можетъ быть, и нѣсколько позднѣе. Она образовалась тѣми историческими событіями, которыя, несомнѣнно, случились, но о которыхъ, по случайнымъ причинамъ, не дошло до насъ рѣшительно никакихъ прямыхъ указаній, никакихъ точныхъ документовъ. По этой исключительной случайности, подобной, напримѣръ, неизвѣстности точнаго начала крѣпостнаго права въ Россіи, трудно, и даже не возможно, сказать что-либо о бывшемъ въ концѣ XIII, или началѣ XIV вѣка, коренномъ преобразованіи церковнаго пѣнія въ Россіи, совершенно переимѣнившемъ гѣвческія рукописи въ системѣ ихъ нотации. Переимѣна эта, во всякомъ случаѣ, нисколько не малозначительнѣе Никоновскаго преобразованія нашего пѣнія въ XVII вѣкѣ. Знаменная нотация до ея перваго преобразованія въ XIII—XIV вв. полна такими знаками, которые потомъ совершенно вышли изъ употребленія. Изъ общаго числа 86 древнѣйшихъ знаменъ было исключено 46 знаменъ, замѣненныхъ потомъ новыми, систематическими, доньнѣ употребительными знаками; кромѣ того, вѣроятно, было исключено изъ употребленія кондакарное пѣніе. «трисоставное сладкогласованіе» и «самое красное демественное пѣніе». Вѣроятно, что, читая нынѣ безпомѣтныя рукописи XVI вѣка, мы скоро доберемся до точнаго чтенія памятниковъ XIV вѣка, какъ изложенныхъ по той же существующей доньнѣ знаменной системѣ, но чтеніе болѣе древнихъ знаменъ будетъ еще долго затруднительнымъ.

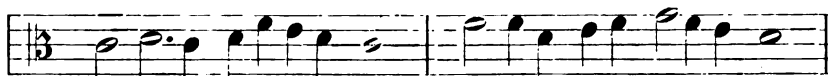
Нельзя не допустить, что указываемое преобразованіе знаменнаго письма было сдѣлано вполне удовлетворительно для своего времени. Оно убрало изъ стараго, древнѣйшаго письма

все то, что стало негоднымъ, или ненадобнымъ, и замѣнило старое письмо новымъ, на основаніяхъ стараго же, но съ введеніемъ столь хорошей системы знаковъ, которая оказалась простою, способною къ развитію, а главное — способною къ вѣковой жизни. Вотъ почему при всей любознательности трудно допустить открытіе въ древнѣйшемъ знаменномъ письмѣ чего-либо такого существеннаго, что было бы упущено изъ виду въ преобразованной нотаци съ XIV вѣка, такъ какъ дальнѣйшія усовершенствованія послѣдней начались едва ли ранѣе конца XVI вѣка, начавшись введеніемъ указательныхъ помѣтъ новгородца Шайдурова. Скорѣе можно думать, что въ древнѣйшей нотаци, до XVI вѣка, могутъ найтись именно чуждые нашей крови семиографическіе элементы, такъ энергично выброшенные преобразованіемъ и интересные болѣе всего со стороны чисто археологической. Это преобразованіе, конечно, всего менѣе касалось самой сути напѣва, его формы, но относилось болѣе всего къ развитію мелодическихъ частныхъ и ихъ записи. Положеніе это весьма легко и наглядно доказывается простымъ сравненіемъ разновременныхъ редакцій одного и того же текста. Чѣмъ древнѣе изложеніе напѣва, тѣмъ оно проще, болѣе речитативно; чѣмъ позднѣе, тѣмъ оно болѣе развито въ частностяхъ своей мелодіи, причемъ, однако, главный остовъ всего пѣснопѣнія остается почти нерушимымъ и сохраняется такимъ не только до второго преобразованія въ XVII в., но и до нашихъ дней. Слѣдовательно, только этотъ остовъ пѣснопѣнія можетъ представлять собою мудрую художественную правду, выраженную согласно народному уму и чувству, а мелодическія подробности этой правды, выраженной просто и по русски, представляются переменными по вѣкамъ свидѣтелями роста нашего пѣвческаго и музыкальнаго искус-

ства. Это развитіе подробностей вполне ясно видно въ постепенномъ усовершенствованіи знаменнаго письма, даже въ самомъ улучшеніи его почерка. Для наглядности я беру первый, подвернувшійся подъ руку, краткій примѣръ—Ирмось 5 гласа, пѣснь 2-я: «Вонми небо», представленный здѣсь въ редакціяхъ: 1) пѣснь употребительной по печатному нотному Ирмологу, изд. Св. Синода, 2)—Александра Мезенца, то-есть, комиссіи пѣвцовъ, примѣнившей новоисправленные Никоновскіе тексты къ знаменному изложенію, 3)—единовѣрческаго Іосифовскаго текста, усвоившаго себѣ помѣты Шайдурова и признаки Александра Мезенца, 4)—безпоповщинскаго, раздѣльнорѣчнаго (хомового) текста, усвоившаго только помѣты Шайдурова, 5)—начальнаго періода раздѣльнорѣчія, то-есть, конца XV, начала XVI в. безъ Шайдуровскихъ помѣтъ и 6)—древне-истиннорѣчнаго текста, вполне сходной съ самою древнѣйшею редакціею, нотированною знаменами до перваго ихъ преобразованія. Первые знаменныя редакціи изложены мною и въ нотныхъ переводахъ съ тѣми добавленіями къ нотному письму, которыми можно объяснить формы и оттѣнки исполненія; послѣдняя редакція, не особенно доступная къ прочтенію сполна, приводится мною въ доказательство вполне очевиднаго сходства ея изложенія съ предыдущею, то-есть, для показанія сохранности остова напѣва и въ древнѣйшемъ изложеніи. Лучшая въ отношеніи формы и мелодій изъ этихъ редакцій есть безпоповщинская, столь сохранившая всѣ подробности древней редакціи XV вѣка и столь развитая впоследствии. Одинаково хороши въ мелодическомъ отношеніи редакціи новоисправленнаго и Іосифовскаго текста, хотя первая въ смыслѣ хорошей знаменной корректности выше второй. Слаба и ошибочна редакція въ печатномъ Ирмологѣ, особенно въ стихѣ «и возглаголю».

Редакція нотного Ирмолога, изд. Св. Синода (изд. 1890), въ переложеніи квартою выше:

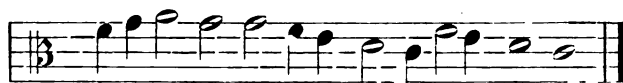
Вон-ми не - - бо и воз-гла - го - лю

и вос - по - ю Хри - ста насъ ра - ди отъ дѣ-вы

во-пло - тив - - ша-го-ся и тлю и смерть

стра - сті-ю ра - зо-рив - ша-го.

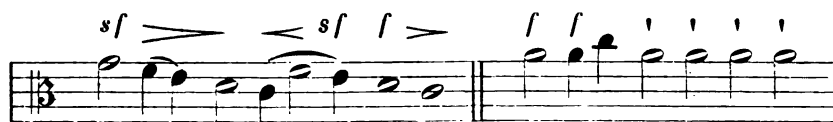
№ 8. Нововсправленный текстъ (рук. Синод. уч., № 170, л. 51) редакція конца XVII в. съ Шайдуровыми поѣтками и признаками А. Мезенца.

Переводъ.

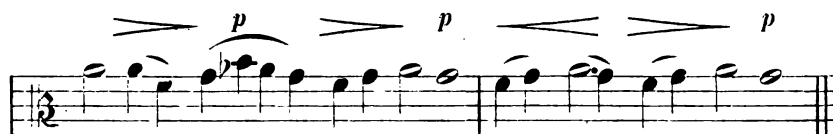
Гл. ѿ

Вон-ми не - - бо и воз-гла - го - лю

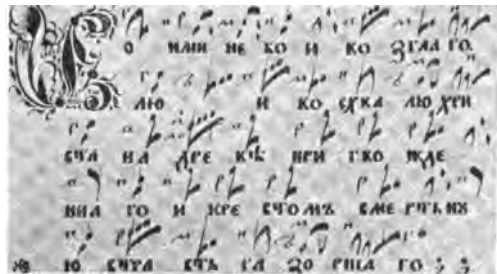
и вос - по - ю Хри - ста насъ ра - ди отъ дѣ - вы

во - пло - тив - - ша - го - ся и тлю и смерть

стра - сті - ю раз - зо - рив - ша - го.

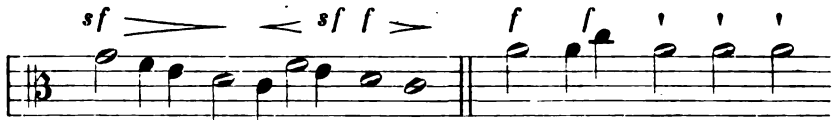

№ 9. Иосифовскій текеть (рук. Синод. уч. Е. В. № 60, л. 150) редакціи конца XVII в. по старообрядческой рукописи XIX в. съ Шайдуровыми помѣтами и признаками А. Мезенца.

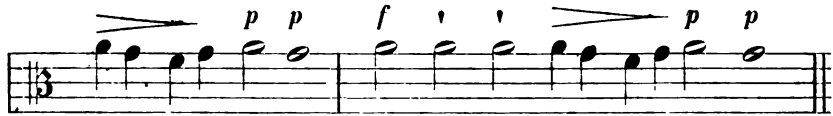
Переводъ.

Вои - ми не - - бо и воз - гла - го - лю

и по - хва - лю Хри - ста на дре - вѣ при - гво -

жден - - на - го и кре - стомъ смерт - ну - ю

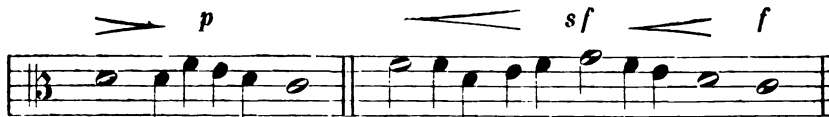

страсть раз - вор - - ша - го.

№ 10. Раздѣльнорѣчный (хомовой, безошовщинскій) текстъ по рукописи XVIII в., съ Шайдуровыми номбтами. (Рукопись Синодальнаго училища: Е. Б. № 16, л. 113).

Переводъ.

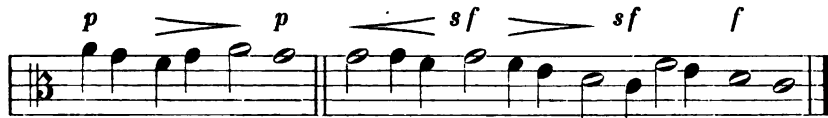
Во - не - - - мн не - бо и воз - гла - го - лю

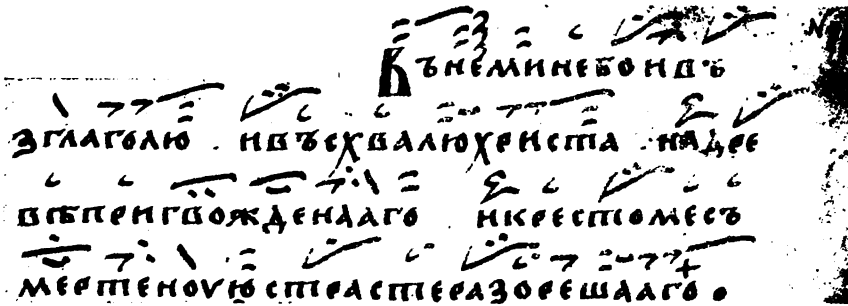
и вос - хва - лю Хри - ста на дре - вѣ

при - гвоз - де - на - - го и кре - сто - ме со

мер - те - ну - ю стра - сте ра - зо - ре - ша - - - го.

№ 11. Раздѣльнорѣчная (хомовая) редакція 1-го періода конца XV или начала XVI вѣка, по рукописи Синодальной (Патріаршей) бібліотеки, изъ собранія Успенскаго Собора, № 55, л. 341.

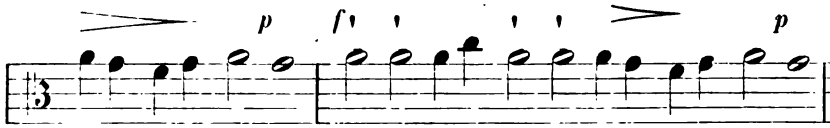
Переводъ.

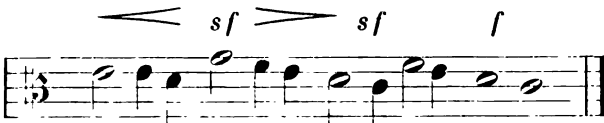
Въ - не - - - ми не - бо и въз - гла - го - лю

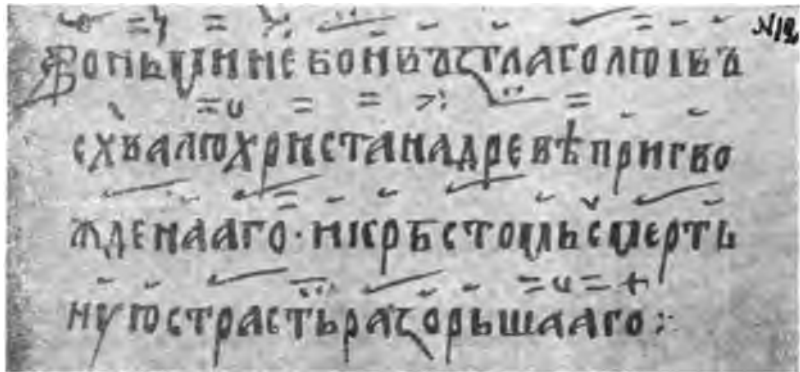
и вѣс-хва-лю Хри-ста на дре - вѣ - вѣ при - гвоз -

де - на - а - го п кре-сто - ме съ-мер - те - ну - ю

стра-сте ра-во - ре-ша - - а - го.

№ 12. Петиниорѣчная редакція XIII—XIV вѣка по рукописи Московской Синодальной (Патріаршей) бібліотеки. № 748. л. 95а. Редакція эта сходна вполне съ древнѣйшею XI—XII в.

Оттѣнки исполненія, въ смыслѣ ослабленія и усиленія звука, указаны мною въ потныхъ переводахъ. Замедленіе и

ускореніе мелодій можно представить вообще такимъ чертежомъ, наприимѣръ, для новоисправленнаго текста:

Первая часть.

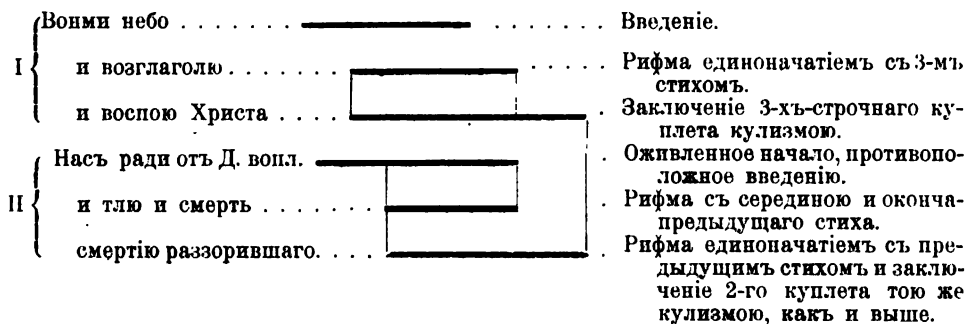
Медленно.	Скорѣе. Медленнѣе.	Скорѣе. Медленнѣе.
Вонми небо	и возглаголю	и воспю Христа
Введеніе.	1-й стихъ 1-го куплета.	2-й стихъ и заключеніе куплета кулизмою.

Вторая часть.

Оч. оживленно и скоро.	Замедленіе.	Скорѣе. Замедленіе.	Скорѣе. Медленнѣе.
накъ ради отъ дѣвки коплотикшагося	и тлю и смерть	страстїю раззорившаго.	
1-й стихъ 2-го куплета.	2-й стихъ 2-го куплета, срифмованный съ окончаніемъ перваго стиха.	Заключеніе кулизмою, рифмующею концы 1-й и 2-й части.	

Первая часть этого ирмоса поется ниже второй, вторая въ началѣ поется высоко и энергично; обѣ части затѣмъ срифмованы кулизмою, весьма мелодическою и имѣющею характеръ полного заключенія.

Такимъ образомъ, графически тотъ же ирмосъ можетъ быть представленъ такою схемою:

Опасаясь утомить изложеніемъ такихъ подробностей но полагаю, что и этого разбора достаточно, чтобы можно было убѣдиться въ существованіи формъ, достигаемыхъ въ нашихъ древнихъ пѣснопѣніяхъ рифмованіемъ пѣвчихъ строкъ и помѣщеніемъ въ нѣкоторыхъ окончаніяхъ строкъ, равно какъ и при началахъ, такихъ мелодій, или «пѣвкоѣ», которымъ

придается определенное ритмическое значение. Въ большихъ пѣснопѣніяхъ употребительны, конечно, болѣе сложныя формы. Напримѣръ, догматикъ 1-го гласа «Всемирную славу» имѣетъ «введеніе» въ первыхъ двухъ строкахъ и двухстрочную же такъ называемую «коду» въ словахъ «держайте убо»; между ними помѣщены двухстрочные же куплеты, совершенно срифмованные между собою сначала въ прямомъ, потомъ въ обратномъ порядкѣ, образующіе въ общемъ вполнѣ законченную сложную форму; или, напримѣръ, догматикъ 3-го гласа «Како не дивимся» имѣетъ форму ряда вдвое уменьшающихся куплетовъ въ 8, 4, 2 и 1 стихъ, отмѣчаемыхъ въ началахъ «Ѹитою двоечельною»; или, напримѣръ, въ догматикѣ 5 гласа «Въ чермгѣмъ мори» послѣ «введенія» чрезвычайно выдержаны въ мелодіяхъ параллельныя сравненія изъ Ветхаго и Новаго завѣта, заключеніемъ къ которымъ служатъ величественная по мелодіи «Ѹита пятогласная» (на словахъ «Сый и прежде сый») и не менѣе величественный «вознось послѣдній», заканчивающій всю сложную музыкальную форму этого сочиненія въ возгласѣ: «Боже, помилуй насъ». Напримѣръ, ирмосы какого-либо канона оказываются согласованными въ музыкальныхъ рифмахъ не въ каждомъ отдѣльномъ ирмосѣ, а на протяженіи всего канона, что, конечно, указываетъ на выработанную большую форму. И въ этихъ, какъ и въ другихъ, большихъ пѣснопѣніяхъ сравненіе разновѣковыхъ редакцій приводитъ только къ подтвержденію того, что мы видѣли на ирмосѣ «Вонми небо», то-есть, древнѣйшій остовъ пѣнѣва, главнѣйшіе устой формы, столь связаные съ смысломъ текста, остаются нерушимыми до нашего времени; — что развиваются постепенно только мелодическія частности, дающія формѣ большую выразительность и законченность.

III.

Легкость чтенія знаменной нотации.—Двѣ части русской пѣвческой палеографіи: текстовая богослужбная и собственно пѣвческая.—Добавленія въ текстахъ: всякаго рода „хебуве“, „аненайки“ и т. п.—Измѣненія текстовъ отъ раздѣльнорѣчія, въ которомъ еще не объясненъ выговоръ многихъ буквъ. — Постепенное развитіе знаменнаго письма, изобрѣтеніе новыхъ нотаций и усвоеніе нотнаго письма, какъ основанія для раздѣленія пѣвческихъ рукописей на 10 отдѣловъ: 1) древнѣйшія истиннорѣчныя рукописи, 2) раздѣльнорѣчіе 1-го періода, послѣ преобразования въ XIII—XIV вв., 3) раздѣльнорѣчіе 2-го періода отъ конца XV до середины XVII в., 4) новоправленныя послѣ-Никоновскія рукописи, 5) двознаменники, то-есть, параллельныя изложенія крюками и 5-ти-линейными нотами, 6) старообрядческія и поморскія пѣвческія рукописи, 7) нотныя рукописи Московской Руси и южнорусскія „Ирмологіоны великіе“, 8) рукописи особыхъ нотаций: демественной, путевой, Казанскаго знамени, знаменныя партитуры всякихъ системъ, буквенной, 3-х-линейной нотации и т. п., 9) хоровыя нотныя рукописи свободныхъ сочиненій и гармонизаций, канты, псалмы, концерты, духовныя стихи и т. п., 10) знаменныя и нотныя музыкально-теоретическія сочиненія, пѣвческія трактаты, азбуки и т. п.—Снимки съ рукописей письма разныхъ вѣковъ.—Сравнительная таблица письма знаменъ въ разные вѣка.—Замѣчанія о рукописяхъ первыхъ 6 отдѣловъ, то-есть, о собственно знаменныхъ рукописяхъ.

Приступая къ обзорѣню собственно знаменнаго русскаго письма, позволяю себѣ высказаться предварительно о полной легкости чтенія этой нотации, донинѣ еще живой въ народѣ. Воплиѣ понятно, что трудная для усвоенія система была бы неумѣстна и невозможна въ древней Руси. Въ такой музыкальной грамотѣ не было бы ни пужды, ни смысла, да и не могло бы долго жить то, чѣмъ пользовались наши старые грамотси-

пѣвцы, уровень развитія которыхъ былъ едва ли выше пылѣвшихъ дьячковъ и пѣвцовъ-любителей изъ мірянъ. Можетъ быть, мудреная кондакарная нотация подверглась забвенію именно благодаря болѣе сложной и теоретическому, не вполне русскому строю. Знаменная нотация жива и сильна именно своей простотой, доступностью и полнотой въ средствахъ своего музыкальнаго выраженія.

Пѣвческая русская палеографія должна состоять изъ 2-хъ частей. 1-я часть касается письма богослужебнаго текста. Этотъ текстъ въ пѣвческихъ рукописяхъ всегда полнорѣченъ. Въ немъ совершенно нѣтъ титлъ. Кромѣ этой, столь дорогой для филологовъ, особенности пѣвческихъ рукописныхъ текстовъ, въ тѣхъ же текстахъ въ разные періоды ихъ развитія имѣются всякаго рода слоговыя украшенія, вродѣ указанныхъ выше въ примѣрахъ кондакарнаго знамени. Это—всякаго рода аненайки, хебуве, разныя повторенія слоговъ подъ знаменами и т. п.; здѣсь же, отъ крѣпости соединенія текста съ нагѣвомъ, легко наблюдаются твердо сохраненныя формы всѣхъ видовъ раздѣлнорѣчія, или хомоніи; здѣсь же и всѣ редакціи правительственныхъ и самовольныхъ исправленій богослужебныхъ текстовъ XVII вѣка. Такова 1-я часть.

2-я часть пѣвческой палеографіи касается собственно начертаній знаменъ въ разные вѣка. Ниже будетъ показано, какъ по этимъ начертаніямъ крайне легко узнать время написанія рукописей, несмотря на отсутствіе датъ: здѣсь же имѣютъ значеніе наличность, напримѣръ, Шайдуровыхъ буквенныхъ пометъ, признаковъ Александра Мезепца при знаменахъ и т. п.

Главнѣйшія различія рукописей съ палеографической пѣвческой стороны суть слѣдующія:

1-й отдѣлъ: Древнѣйшій истиннорѣчный текстъ съ буквами

Ъ и **Ь** въ серединѣ словъ и съ знаменами надъ ними—XI—XIII вв.

Эти рукописи отличаются прямымъ, такъ сказать, палочнымъ письмомъ, безъ всякихъ выгибовъ въ фигурахъ знаменъ. Невысокія утолщенія замѣчаются лишь въ лѣвыхъ частяхъ нѣкоторыхъ знаменъ. Если текстъ писанъ древнимъ, косымъ слѣва внизъ перомъ, то знамена, несомнѣнно, писаны очинкомъ не пера, а чего-либо вродѣ килима, до сихъ поръ употребляемаго на православномъ востокѣ. Семья знаменъ—очень многочисленная—до 86, изъ которыхъ до 46 вышли изъ употребленія съ конца XIII, или начала XIV вѣка. Знамя это пока не читается именно по причинѣ многихъ забытыхъ знаменъ. Сравнительное изученіе знаменныхъ редакцій разныхъ вѣковъ, конечно, скоро откроетъ музыкальное значеніе всѣхъ этихъ вышедшихъ изъ употребленія знаменъ.

2-й отдѣлъ: Раздѣльнорѣчіе 1-го, ранняго періода, отъ начала XIV вѣка до конца XV, когда **Ъ** и **Ь** встрѣчаются всегда въ концахъ словъ, а въ серединѣ чѣмъ позже, тѣмъ рѣже. и то только на легкихъ ритмическихъ частяхъ напѣва.

Болѣе раннія рукописи этого періода сходны съ предыдущими въ начертаніяхъ сохранныхъ знаменъ. Позднѣйшее письмо пріобрѣтаетъ начертанія, болѣе длинныя и наклонныя вверхъ направо. Различія тонкихъ и толстыхъ частей въ знаменахъ являются уже къ концу XV в. Письмо книгъ еще крупно сначала, но затѣмъ мельчаетъ, какъ и форматы книгъ. Заставки и заглавныя буквы, вязи—наилучшія.

Составъ знаменъ только тотъ, который употребителенъ до сихъ поръ, то-есть, безъ вышедшихъ изъ употребленія знаменъ XII—XIII в. Такое различіе этихъ рукописей отъ древнѣйшихъ ясно указываетъ на совершившееся преобразованіе въ на-

пемь церковномъ пѣніи около конца XIII, или начала XIV вѣка. Выше уже было сказано, что никакихъ точныхъ актовъ, которые указывали бы исторію этого преобразования, пока не открыто. Сравнительное изслѣдованіе множества разночтеній примѣровъ этихъ двухъ періодовъ убѣждаетъ несомнѣнно, что въ смыслѣ музыкально-теоретическомъ это преобразование было радикальнѣе, чѣмъ послѣ-Никоновскія исправленія и введеніе знаменныхъ признаковъ Александра Мезенца, 1667 года.

3-й отдѣлъ: Раздѣльнорѣчіе 2-го, поздняго, періода отъ конца XV до половины XVII в.

Прежнее крупное письмо текста почти исчезаетъ, форматы книгъ постепенно становятся еще меньше, доходя къ концу періода до $\frac{1}{8}$, иногда даже $\frac{1}{16}$ и $\frac{1}{32}$ д. листа и до чрезвычайно мелкаго письма. Заставки, вязи, заглавныя буквы сначала значительно проще и бѣднѣе, чѣмъ въ предшествующій періодъ, но къ половинѣ XVII в. снова дѣлаются изящнѣе.

Письмо знаменъ становится остроугольпымъ, съ постепенно усиливающимся явнымъ различіемъ тонкихъ и толстыхъ чертъ. Позднѣе (конецъ XVI в.) оно становится еще болѣе наклоннымъ направо вверхъ и какъ бы рисованнымъ. Это происходитъ отъ начавшагося письма перомъ съ косымъ очинкомъ обратнымъ, чѣмъ для письма текста.

Въ концѣ періода (нач. XVII в.) раздѣльнорѣчіе становится полнымъ и подчасъ безтолковымъ. Появляется масса новыхъ роспѣвовъ въ сочиненіяхъ отдѣльныхъ лицъ, съ легкой руки царя Ивана Грознаго; появляется сѣверовосточное «Усольское мастеропѣніе» и первыя композиціи въ видѣ нѣсколькихъ роспѣвовъ одного и того же текста. Канонизація русскихъ святыхъ соборами 1547 и 1549 гг. открыла дорогу въ сочиненіи новыхъ службъ, а начавшееся шатаніе мыслей

создало такого мало дисциплинированнаго, но даровитѣйшаго пѣвца, какъ извѣстный троицкій головщикъ Логгинъ. Появленіе самовольныхъ исправленій послѣ смутнаго времени, вслѣдствіе надоѣвшей всѣмъ непомѣрной хомоніи, приводитъ наши пѣвчія книги въ періодъ упадка. Сознаніе неурядка дало поводъ къ самовольнымъ, по силѣ разумѣнія и усердія, переправамъ пѣвчихъ книгъ. Это привело къ еще большому безпорядку: «Не токмо тріемъ, или многимъ, но и двѣма согласно стало пѣти невозможно», восклицаетъ Александръ Мезенець. Шайдуровскія буквенныя помѣты вносятъ еще нѣкоторый порядокъ въ массу вновь выдуманныхъ *лицъ и оитъ*, не отличающихся, конечно, особымъ остроуміемъ и художественными достоинствами. Вообще, рукописи этого періода самыя плохія и по виду, и по содержанію.

Но въ самомъ концѣ этого періода письмо знаменъ все же совершенствуется. Оно становится все прямѣе, острѣе и отвѣсгѣе. Вновь, въ самомъ концѣ, передъ Никоновскою реформою появляются изящныя заставки и вязи. Рукописи снова блестятъ отличнымъ письмомъ и роскошью тонко-художественныхъ украшеній. Появляются литографированныя заглавные листы въ нѣсколькихъ, еще неизвѣстныхъ сполна редакціяхъ.

4-й отдѣлъ: Новоисправленныя, послѣ-Никоновскія рукописи. Онѣ мало чѣмъ отличаются въ письмѣ и въ форматѣ отъ предшествующаго. Текстъ ихъ, такъ сказать, перешагнулъ черезъ Іосифовскія направленія, перейдя съ Филаретовскихъ и болѣе раннихъ прямо на тексты, утвержденныя соборомъ 1666 г. Эти рукописи для насъ самыя главныя. Такъ какъ нѣтъ правительственныхъ актовъ, запретившихъ, или не одобрявшихъ эти рукописи, или высказавшихся предпочтительно за

потныя, то юридически эта послѣдняя знаменная редакція есть обязательная для богослуженія въ нашей церкви.

Отличительная особенность рукописей — отличное мелкое письмо съ помѣтами Шайдурова и съ признаками Александра Мезенца, по которымъ такъ легко узнаются каждая изъ трехъ ступеней системы трихордовъ, столь гениально открытыхъ теоретикомъ Шайдуровымъ. Во всѣхъ рукописяхъ этого времени въ надобныхъ мѣстахъ всегда полностью прописывается имя государя. Періодъ этотъ едва ли доходить до половины XVIII вѣка.

5-й отдѣлъ: Двознаменники, то-есть, рукописи, изложенныя параллельно крюками и пятилинейными потоми надъ повоисправленнымъ текстомъ. Письмо — конца XVII и начала XVIII вв. Эти рукописи слѣдуетъ понимать какъ послѣднюю попытку удержать знаніе знаменъ, начавшее ослабѣвать подъ впечатлѣніями легкости пѣнія по нотамъ. Существуетъ и обратное мѣненіе, то-есть, двознаменники имѣли цѣлью доказать всѣ выгоды простоты нотъ передъ мудреными будто бы знаменами.

6-й отдѣлъ: Отдѣльную группу знаменныхъ книгъ составляютъ истиннорѣчныя книги старообрядцевъ и раздѣльнорѣчныя, или хомовыя, книги безпоповцевъ. Книги эти, преимущественно въ $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ листа по большей части очень хорошаго письма особенно XIX в., едва ли сложились ранѣе первой половины XVIII вѣка. Письмо ихъ Гуслицкое (или Бѣлевское) и Поморское.

Сравнительная таблица начертаній знаменъ въ разные вѣка покажетъ (см. стр. 59), какъ измѣнялись подробности и какъ тщательно сберегался общій характеръ письма въ самой глубокой древности.

7-й отдѣлъ: Рукописи *потныя* одногласныя, появляются въ Московской Руси съ половины XVII в., а въ Юго-запад-

ной—нѣсколько ранѣе. Тексты ихъ, смотря по времени письма, сначала съ нѣкоторымъ раздѣльнорѣчіемъ, затѣмъ Іосифовскіе и, наконецъ, новоисправленные.

Сравнительная таблица начертаній некоторыхъ знаменъ въ разномъ видѣ

	ЛНВ.	ЛМВ.	ЛНВ.	ЛМВ.	ЛНВ.	ЛМВ.
Столица:	•	•	•	•	•	•
Столица съ откосомъ:	•	•	•	•	•	•
Переводка:	•	•	•	•	•	•
Два въ тали:	•	•	•	•	•	•
Крестъ прямой и кривой	—	—	—	—	—	—
— стѣпной и тресвятой:	—	—	—	—	—	—
елѣтнихъ баровъ:	•	•	•	•	•	•
зачѣтны:	•	•	•	•	•	•
чашка:	•	•	•	•	•	•
палка:	•	•	•	•	•	•
лапила:	•	•	•	•	•	•
пербица:	•	•	•	•	•	•
Буда и Мрѣба:						
Кривая средняя:	•	•	•	•	•	•
Сирма профал и профал:	—	—	—	—	—	—
— стѣпной и тресвятой:	—	—	—	—	—	—
— стѣпной и тресвятой:	—	—	—	—	—	—
— троснякъ и троснякъ:	—	—	—	—	—	—
— троснякъ и троснякъ:	—	—	—	—	—	—
— троснякъ и троснякъ:	—	—	—	—	—	—
— троснякъ:	—	—	—	—	—	—
Звѣзды:	•	•	•	•	•	•
Словныя двѣ заглавныя:	•	•	•	•	•	•
Паразиты:	•	•	•	•	•	•
Пачъ:	•	•	•	•	•	•
скановца:	•	•	•	•	•	•
Почаша:	•	•	•	•	•	•
Ошта:	•	•	•	•	•	•
Кривы:	•	•	•	•	•	•

Отдѣльно отъ этихъ рукописей стоятъ такъ называемыя Прологіоны Великіе, составившіеся въ XVII в. и употребительные до сихъ поръ въ печати въ практикѣ Юго-западной Руси. Разные составы этой книги требуютъ особаго изслѣдованія.

8-й отдѣлъ: Рукописи демественнаго пѣнія, путевого пѣнія (одно-и многоголосныя) и разныхъ другихъ нотаций, начинающія отдѣльно появляться со второй половины XVI в. Ранѣе, пѣсно-пѣнія, изложенныя съ помощью той или другой нотации, входили въ качествѣ вставныхъ статей въ содержаніе знаменныхъ сборниковъ, преимущественно такъ называемыхъ Обиходовъ. Позднѣе, тѣ же пѣснопѣнія, значительно увеличившіяся въ своемъ составѣ вслѣдствіе ихъ бѣльшей допустимости въ храмѣ, стали предметомъ содержанія отдѣльныхъ сборниковъ, ипогда очень большихъ.

9-й отдѣлъ: Рукописи нотныя хоровыя, начинающія появляться съ конца XVII в. Къ этому же отдѣлу относятся, кромѣ богослужебныхъ, всѣ рукописи съ 3-хъ-голосными каптами, псалмами, духовными стихами и т. п.

10-й отдѣлъ: Рукописи съ знаменными пѣвческими азбуками и съ музыкально-теоретическими трактатами всякаго содержанія, сборники оитъ и лицъ, азбуки демественныя, путевыя, Казанскаго знамени, особыхъ нотаций и съ нотною 5-ти-линейною.

Выше уже было упомянуто о преобразованіи русскаго церковнаго пѣнія, вѣроятно, въ концѣ XIII, или началѣ XIV, вѣка. Рукописи до этого времени, не читаемыя въ знаменахъ, представляются писанными уставомъ и снабжены знаменами въ скорописныхъ линіяхъ, весьма горизонтальныхъ. У этихъ знаменъ нѣтъ высокихъ лѣвыхъ чертъ, напримѣръ, въ крюкахъ, два въ челну и т. п. Онѣ пишутся съ длинными чертами правыми, не загибающимися внизъ на концахъ; таковы также начертанія въ скамейцахъ, подчашіяхъ, стрѣлахъ и т. п. Параклитъ, дуда, оиты имѣють въ этихъ рукописяхъ свои начертанія, вполне отличныя отъ позднѣйшихъ; стопицы, запя-

тыя весьма мелки и закруглены: статьи и налки пишутся прямо чертами. Вообще, древнѣйшія знамена писались ровно, безъ всякихъ утолщеній. Попадаются во множествѣ знамена шыбѣ еще непонятныя, но имѣющія отдаленную связь съ древнегреческимъ и частью съ кондакарнымъ письмомъ. Текстъ всѣхъ этихъ рукописей древне-истиннорѣчный, то-есть, съ знаменами надъ буквами **Ъ** и **Ь**. Для бѣльшей наглядности и убѣдительности выбраны нарочно два одинаковыхъ древнѣйшихъ образца

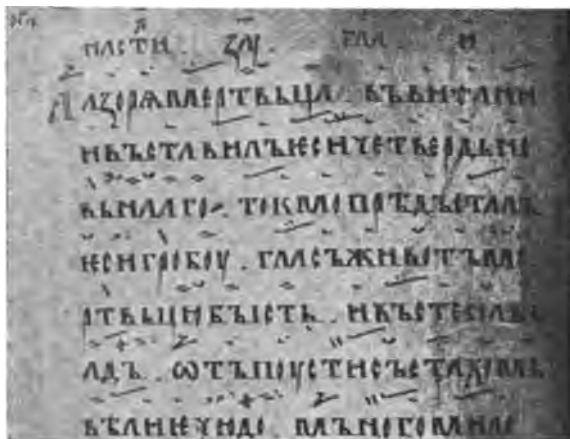

№ 13. Древнѣйшее истиннорѣчное знаменное письмо по рукописи XI—XII в. Моск. Синодальной (Патріаршей) Б-ки, № 319, л. 304 об.

(«Лазаря мертвеца»), чтобы сравненіе могло убѣдить въ почти точнѣйшей сохрaпности нагѣвовъ отъ XI до XIII в. Но это письмо есть еще загадка для русскихъ археологовъ-музыкантовъ, такъ какъ вышедшія изъ употребленія знамена и ихъ комбинаціи забыты нами и, несмотря на всю очевидную простоту нагѣва, едва читаются предположительно.

Слѣдующіе образцы XIV и XV вв. писаны уже по новой системѣ, въ которой встрѣчаются только знамена, дошпыбѣ сохранившіяся въ употребленіи и потому читаемыя съ достаточ-

ною вѣроятностью. Въ нихъ совершенно нѣтъ непонятныхъ знаменъ, но мелодіи ихъ такъ просты, такъ лишены позднѣйшихъ подробностей, что самая простая честность изслѣдователя заставляетъ быть крайне осторожнымъ въ предъявленіи своихъ прочтеній. Эта нотация не была, повидимому, достаточно приспособлена къ развитію тѣхъ подробностей мелодіи, къ какимъ мы такъ привыкли въ чтеніи послѣдующихъ памятниковъ.

№ 14. Древнѣйшее истиннорѣчное знаменное письмо по рукописи XII—XIII в. Моск. Синодальной (Патріаршей) Б-ки, № 8, л. 96 об.

Письмо читаемыхъ рукописей, преимущественно съ конца XV вѣка и даже немного позднѣе, уже начинаетъ понемпогу приобрѣтать различіе тонкихъ и толстыхъ чертъ въ знаменахъ, все еще горизонтальныхъ и длинно-прямолинейныхъ. Таковы начертанія, напримѣръ, въ стрѣлахъ, крюкахъ, подчашіяхъ, скамейцахъ, два въ челну и т. п. (см. снимокъ № 3). Начинаетъ появляться изящное красочное и золоченое письмо заглавныхъ буквъ, заставокъ, киноварныхъ вязей, доводимыхъ еще въ началѣ XVI в. до превосходнаго рисунка.

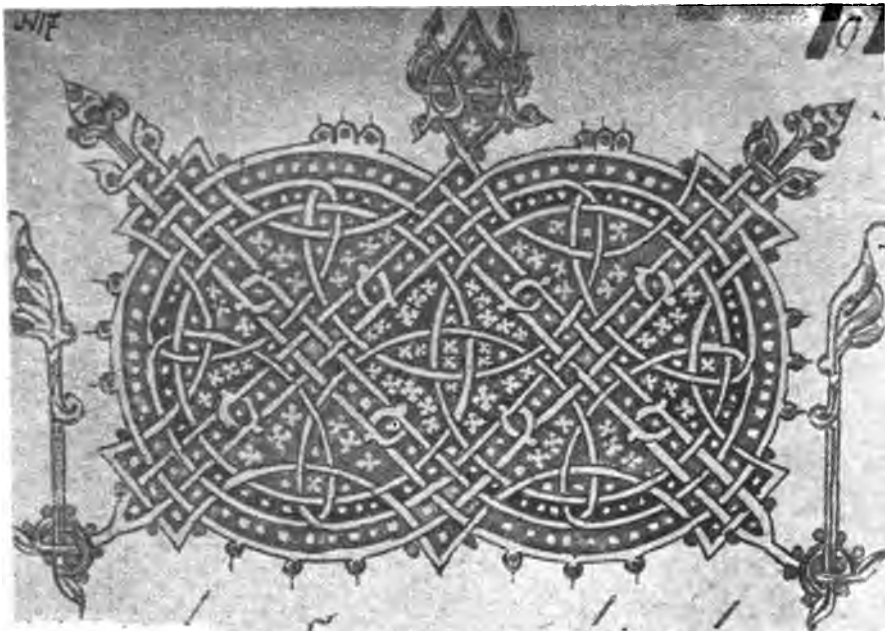

№ 17. Образец роскошной красочной съ червоннымъ золотомъ заставки, вязи и знаменнаго письма конца XV вѣка. Текстъ съ почти полной хомоніей, или раздѣльно рѣчию. Письмо знамень закругленно-горизонтальное въ крюкахъ, стрѣлахъ, подчашіяхъ, скамейцахъ, въ которыхъ весьма характерны загибы внизъ съ правой стороны. Стопицы и запятыя (какъ и въ голубчикахъ) имѣютъ уже рѣзкую угловатость. Стопица съ очкомъ, переводка, голубчикъ борзый имѣютъ отдаленные очки. Начертаніе змінцы еще старое, но въ статьяхъ есть элементъ рисунка. Вязь: „Книга глаголема ирмолой“.

Снимокъ съ рук. Синод. училища: Е. Б. № 112, л. 114.

КНИГА ГЛАГОЛА ПРМОЛОИ ТВОРЕНІЕ
 ПРПБНАГОЩАНЩЕГОШАННАДАМА.
Крѣстоу повѣдант ел енама десницю
 зголт пмо во срѣ постн прослави
 ас а та бо . бесо мертене не есе мога
 цина гротн не сн ама со трѣ . израа та
 помо . поутъ гла жбнны шено ба щѣ .
 люта ра бо та нз ба ко нз ра не . нне
 прохеднмо . про ндѣ а ко по соу х

№ 18. Образецъ заставки, вязи и знаменнаго письма начала XVI вѣка. Текстъ раз-
 дѣльнорѣчный, но на словъ „путь“ (3-я строка снизу) стоить стоища надъ буквою **н**.
 Письмо стоищъ, змѣйцы, палки, крыжа еще старое; въ подчашіяхъ и крюкахъ за-
 мѣчается тонкая лѣвая линия. Два очка у свѣтлой и поводной стрѣль еще лѣвы, а
 не средни; въ статьяхъ очевиденъ рисунокъ. Переводки высоки, голубчики широки.

Вязь: „Книга глаголема прмолои твореніе“. Заставка красочная.

Снимокъ съ рук. Синод. училища: Е. В. № 115, л. 101.

№ 19. Образец заставки, вязи и крупного знаменнаго письма средины XVI в. Текстъ раздѣльноорѣчный сплона. Письмо крюковъ, хотя и длинныхъ направо, состоитъ изъ тонкой черты, соединенной заостренно съ толстою. Тоже въ голубчикахъ борзыхъ, уже менѣе широкихъ. На чертаніе стонницъ, палокъ, статей, стрѣлъ, змѣйки мало еще отличается отъ древняго.

Вязь: „Богоявленію ꙗ нашего ѿ хъ гла къ“
Заставка красочная.

Снимокъ съ рук. Синод. училища: Е. Б.
№ 114, л. 2.

№ 20. Образец тушевой заставки, вязи и знаменнаго письма начала XVII в., времени первых исправлений богослужебнаго текста и первых самовольных исправлений знаменнаго изложения. Въ этомъ снимкѣ видны первыя Шайдуровскія помѣты, поставленныя лишь у главнѣйшихъ знаменъ. Поправки видны въ словѣ „скрывшаго“. Текеть вполнѣ свободный отъ раздѣльнорѣчія. Письмо знаменъ новое. Вязь: „Гласъ шестой, пѣснь первая, ирмосъ“.

Снимокъ съ рук. Синод. училища:
№ 189, л. 52.

№ 21. Образецъ красочной заставки, заглавной буквы и киноварной вязи времени первыхъ лѣтъ царствованія царя Алексѣя Михайловича. Текстъ вполне раздѣльнорѣчный, а знамена новаго письма, но безъ помѣтъ.

Вязь: „Мѣсяца сентемврія въ 1 день, начало индикту“.
Снимокъ съ рук. Синод. училища: № 1072, л. 447.

№ 22. Образец заставки, вязи и знаменного письма времени передъ соборомъ 1666—67 г. Въ виду имѣющагося въ началѣ этой рукописи стихотворнаго предисловія Ал. Мезенца съ датой 1666 г., дата внизу снимка представляется позднѣйшею. Текстъ смѣшанный, но болѣею частью повоисправленный; знамена еще безъ признаковъ, хотя и новаго въ нѣкоторыхъ частностяхъ способа письма. Достойны вниманія нѣкоторыя поправки (напримѣръ въ словахъ *Твоя, десница, прославися, та*), сдѣланныя весьма знающимъ пѣвцомъ, можетъ быть, и самимъ Ал. Мезенцомъ, можетъ быть тѣмъ, кто подписалъ рукопись „*Monach Alexander Stremmouchow*“.

Вязь: „Ирмологіи имѣяй вся ирмосы ос“ (могласника).

Снимокъ съ рукоп. Синод. училища: № 728, л. 2.

№ 23. Образецъ знаменнаго письма, преобразованнаго по системѣ признаковъ А. Мезенца, съ удержаніемъ Шайдуровыхъ пометъ. Текстъ новопеисправленный. Внутри заглавной буквы дата 7189, или 1671 г., то-есть, векоръ постъ собора. Достойны вниманія тѣ указанія, которыя характеризуютъ исполненіе напѣва: „повыше“ „еще“, „особно“, „нескоро со сладкошбіемъ“.

Снимокъ съ рукоп. Синод. училища: № 727, л. 199 об.

№ 24. Образецъ знаменнаго письма XVIII вѣка съ новоправленнымъ текстомъ, съ помѣтами и признакамп.
 Двойная вязь: „Стихеры евангельскіе твореніе Льва царя премудраго, стихира“ (первая).
 Снимокъ съ рукописи Синод. училища: № 485, л. 48.

№ 26. Образец заставки, заглавной буквы и вязи заглавного листа, красочного съ золотомъ, пзъ „лицевого прмолога“ лучшаго старообрядческаго „бѣлевскаго писма“. Знамена съ помѣтамъ и признаками весьма изящнаго почерка, въ которомъ отлично различаются какъ тонкія черты отъ толстыхъ, такъ и всѣ добавочныя къ знаменамъ знаки, напримѣръ, мракъ, свѣтъ и т. п. Особенно хорошо въ этомъ писмѣ расположеніе помѣтъ Шайдурова и точность въ признакахъ; богослужебный шрифтъ бѣлевскаго писма гораздо изящнѣе обычнаго гуслицкаго какъ въ почеркѣ, такъ и въ расположеніи слоговъ. Обычный форматъ рукописей бѣлевскаго писма въ $\frac{1}{2}$ листа.

Снимокъ съ рукоп. Синод. Училища:
Е. Б. № 60, л. 47.

ВѢ А
 ВЪ ТЛ МО СЕКІ Н
 КО АНЪ А СА ВѢ НА
 МН ЕЪ УЪ ІА ІН СА
 Н ЗІА НАЛ ТЛІ ПГІ Е
 МАА ЕН НА ЖЕ ПЪ
 ІН НА
 ТГН СТА ТЛІ Е ІН ПЕТ
 СКН ПО ТО ВН СЪ АО
 КО АО САА НЕНЪ ГГО
 ЕЪ ЕН АО ІО КГЪ ПКО ІО ДЕ
 СМН ЦЕ ІО КАА ДЛІ ІНЕ ІО

№ 27. Образецъ заглавной и киноварной буквы лучшаго бѣлѣвскаго старообрядческаго письма XIX вѣка.
 Снимокъ съ рукописи Синод. училища: Е. Б. № 60, л. 48.

службами святымъ, канонизованнымъ соборами 1547 и 1549 гг. Раздѣльнорѣчіе рукописей XVI вѣка, въ началѣ вѣка еще слабое, развивается почти до полного къ концу столѣтія.

№ 28. Образецъ восточнаго, уральскаго старообрядческаго письма XVIII в., съ помѣтами и признаками надъ Юсифовскимъ текстомъ.

Вязь: „в субботу вечеръ на велицѣй вечерни“.

Снимокъ съ рукописи Синод. училища: № 809, л. 40 об.

Рукописи начала XVII в. отличаются чрезмѣрнымъ развитіемъ раздѣльнорѣчія и первымъ появленіемъ между истовымъ знаменнымъ распѣвомъ множества скороспѣлыхъ сочиненій, на примѣръ, Логгина, извѣстнаго троицкаго головщика, или «путевыхъ» изложешій со всякаго рода анепайками, даже и въ 2-хъ

и 3-хъ-голосныхъ хоровыхъ партитурахъ. Въ болѣе старыхъ рукописяхъ XVII в. Шайдуровы помѣты (черныя, а не красныя) еще неполны, и тихая помѣта изображается не чертою, а буквою **т**. Въ рукописяхъ 20—30-хъ годовъ, писанныхъ близъ полосы отъ Новгорода до Москвы, замѣчается наличность всѣхъ помѣтъ Шайдурова. Съ другой стороны, начавшая

№ 29. Образецъ заглавнаго листа Праздниковъ роскошнаго красочнаго съ золотомъ „поморскаго“ безпоповщипскаго письма XVIII вѣка. Снимокъ съ рукоп. Синод. училища: № 11.

уже надоѣдать непомерно развившаяся хомонія, въ связи съ предпринятыми въ это время Филаретовскими исправленіями богослужебныхъ книгъ, повлекла за собою самовольныя и подчасъ безтолковыя исправленія пѣвчихъ книгъ, доведшія наши рукописи до полнаго непорядка.

Это время есть—40-е и 50-е годы XVII вѣка, и оно справедливо считается временемъ разстройства дисциплины

знаменнаго пѣнія въ Россіи. Въ это же время вторглось въ наше пѣніе хоровое искусство, читаемое нынѣ въ массѣ 2-хъ, 3-хъ и 4-хъ-голосныхъ знаменныхъ, путевыхъ и демественныхъ партитуръ, и иноземное пѣніе въ видѣ распѣвовъ греческаго и болгарскаго, принятаго вмѣстѣ съ кievскимъ пѣніемъ въ изложеніи по 5-ти-линейнымъ нотаамъ. Исправленія богослуженныхъ текстовъ шли туго, задерживаясь спорами москвичей съ кievлянами. Непмѣніе готоваго текста для примѣненія къ нему древняго нагѣва задерживало и упорядоченіе знаменныхъ пѣвчихъ книгъ. Въ 1667 г. вторая коммиссія Александра Мезенца сразу вернула наши пѣвчія книги къ отличному порядку, донинѣ сохраняемому. Рукописи эти, по новоисправленному Никоновскому тексту, отличаются вполне дисциплинированнымъ изложениемъ и снабжены помѣтами и признаками. Письмо этихъ рукописей обыкновенно или очень некрупное, или мелкое и частое.

Въ приложенныхъ снимкахъ съ рукописей отъ конца XV в. до начала XVIII (№№ 15—24), полагаю, весьма легко прослѣдить послѣдовательное улучшение письма знаменъ, приобретающихъ все болѣе и болѣе рисованный характеръ. Примѣчанія къ каждому снимку поясняютъ нѣкоторыя въ нихъ подробности, а бѣглый обзоръ укажетъ на развитіе общаго характера письма, заставокъ, вязей и заглавныхъ буквъ. Для облегченія обзора постепеннаго измѣненія начертаній выше приведена сравнительная по вѣкамъ таблица начертаній нѣкоторыхъ знаменъ, изъ которой можно приблизительно видѣть послѣдовательность развитія нѣкоторыхъ знаковъ.

Достойно вниманія то, что старообрядческія и особенно безпоповщинскія пѣвчія книги также усвоили себѣ въ текстовомъ и знаменномъ изложеніи весьма большія перемѣны, до сихъ поръ сохраняемыя.

Филаретовскія и Иосифовскія исправленія текста, понятно, требовали весьма большой художественной работы въ дѣлѣ приложенія къ нимъ древнихъ мелодій. Намъ представляется, что прошло, по крайней мѣрѣ, 50 лѣтъ послѣ появленія разрыва, прежде чѣмъ уставилось богослуженіе старообрядцевъ, поющихъ часто по Филаретовскимъ, а читающихъ по Иосифовскимъ текстамъ, иногда же и наоборотъ. Эти книги крупнаго и очень хорошаго «гуслинцаго» и «бѣлевскаго» *) письма, XVIII и XIX вѣковъ, пишутся обыкновенно въ форматъ $\frac{1}{2}$ листа. Едва ли онѣ усталились вполнѣ ранѣ первой половины XVIII вѣка. Введеніе въ нихъ признаковъ Александра Мезенца,—это сущее «новшество», появившееся съ 1667 г., есть наилучшее доказательство достоинства послѣдняго улучшенія знаменнаго письма, столь украшаемаго въ старообрядческихъ книгахъ всякими заставками и заглавными буквами.

Нѣвчія книги безпоповщинскаго согласія, такъ называемаго, «поморскаго письма», съ внѣшней стороны слѣдуетъ признать лучшими по письму знаменъ и по украшеніямъ въ видѣ заставокъ, заглавныхъ буквъ и вязей, иногда воспроизводимыхъ съ сущою виртуозностью. Знамена у безпоповцевъ употребительны съ Шайдуровыми помѣтами, но безъ признаковъ Александра Мезенца. Обыкновенный форматъ этихъ книгъ въ $\frac{1}{2}$ листа, или $\frac{1}{3}$ листа. Безпоповцы сохранили у себя раздѣльнорѣчное пѣніе, или, какъ говорится у нихъ, «по хомолямъ», или «на Онѣ». Такъ какъ безпоповцы строги и точны въ сохраненіи мелочей всего стариннаго, то можно повѣрить и тому, что особенности раздѣльнорѣчнаго пѣнія, только у нихъ сохраняемаго, могли въ самомъ дѣлѣ дожить въ ихъ кругу и до настоящаго времени.

*) Гуслицы—цѣлая мѣстность Богородскаго у., Московской губ.; Бѣлево—село въ той же мѣстности.

Особенности выговора безпоповскими пѣвцами, во время исполненія ими раздѣльнорѣчнаго распѣва, дѣйствительно замѣчательны и вполнѣ стоятъ вниманія занимающихся фонетикой русскаго языка. Сколько я могу судить, эти особенности одинаково сохранились въ разныхъ мѣстахъ Россіи и потому, вѣроятно, имѣютъ за собою какія-либо твердыя въ прошломъ основанія.

Мысль о томъ, что въ далекомъ прошломъ буквы **Ѣ** и **Ѧ**, произношеніе которыхъ въ древнее время еще не установлено, будто бы произвольно замѣнялись въ рукописяхъ буквами **О** и **Е**, не выдерживаетъ никакой критики. Мнѣ кажется, что первая хомонія появилась подъ вліяніемъ развитія самого языка и въ частности подъ вліяніемъ мѣстныхъ говоровъ. Наблюденія надъ раздѣльнорѣчными текстами, несомнѣнно, убѣждаютъ: 1) что во множествѣ случаевъ произвольной замѣны однихъ буквъ другими не было ни прежде, ни послѣ; 2) что во множествѣ случаевъ одно и то же слово, смотря по расположенію мелодіи и ея метра, пишется разное чуть не на одной и той же строкѣ. Въ періодъ начала господства почти полной хомоніи, когда подъ вліяніемъ русской рѣчи перестали писать **Ѣ** и **Ѧ** въ серединѣ словъ, такой пѣвецъ, какъ царь Иванъ IV Грозный, пишетъ въ сочиненныхъ имъ, на 21-е декабря, стихирахъ св. Петру, митрополиту Московскому, слѣдующее: «плотью *в* руси суща», а не «плотею во руси»; «духовно *всѣмъ* достизающа», а не «духовено *всѣмо* достизающе»; далѣе: «рѣку многихъ (а не «многихо») чудесо», или: «дивнаго *в(ъ)* чудесѣхъ *всѣмо* подавающа», а не «дивнаго во чудесѣхо» etc. Полагаю, что этотъ примѣръ достаточно содержателенъ. На одной строкѣ мы тутъ имѣемъ и «всѣмъ». и «всѣмо», появившіяся отъ вліянія напѣва. Не менѣе убѣди-

№ 30. Образецъ заглавной буквы и знаменнаго раздѣльно-рѣчнаго, хомового письма „поморскаго“, принятаго у безпоповцевъ. Письмо богослужебнаго текста высокое и нѣсколько суженное, съ малыми промежутками между слогами и отдѣльными словами. „И“ безъ краткой ковычки. Знаки препинанія—только точки. Письмо знаменъ наилучшее по ясности и точности, равно и по сохранности древняго нотированія. Сложное лицо (см. 3 и 4 строка „престолъхо“) розведено затѣмъ простыми знаменами послѣ означенія „рѣ“, то-есть, „розводъ“ тайнозамкненнаго лица, или такого знаменнаго означенія, въ которомъ каждое знамя не имѣетъ своего прямого пѣвческаго обычнаго значенія, а только вся совокупность этихъ знаменъ, то-есть все „лицо“, указываетъ на большую, условную подъ этими знаками мелодію.

Рисунки въ рукописяхъ поморскаго письма состоятъ изъ комбинаціи красной краски съ золотомъ и тушью; обычный орнаментъ—птички съ ягодками въ клювъ и группы красныхъ ягодъ; по правой сторонѣ симметричной заставки рисуется (ср. снимки № 21, 22, 26, 29, 43, 52) длинный жезлъ съ вверху, съ птицею „Сиринь“ множествомъ украшеній въ серединѣ, а внизу съ рукою, держащею это украшеніе. Иногда эти рисунки прямо роскошны по мастерству исполненія. Снимокъ съ рукописи Синодальнаго училища: № 11, л. 405.

тельно и то, что слово «днесь», часто встречающееся въ стихирахъ, постоянно пишется сообразно тезисамъ и арсисамъ положеннаго для него напѣва, напимѣръ, «дънесь», «дньсе», «денесь», «деньсе», позднѣе же во время разгара хомоніи всегда «денесе» (какъ и на снимкѣ № 30). Наконецъ, имѣю въ виду и весьма частые случаи, когда раздѣльнорѣчіе текста рѣшительно не вяжется съ грамматикою, но сходно съ тѣми раздробленіями одной ноты на два слога, которыя такъ часты и обычны въ приложеніи пѣсеннаго текста къ напѣву, когда въ отдѣльной частичкѣ текста болѣе слоговъ, чѣмъ нотъ въ напѣвѣ. Разобраться въ нѣкоторыхъ тайнахъ раздѣльнорѣчія— есть дѣло будущаго.

Не менѣе интересно произношеніе безпоповцами текста при хомовомъ пѣніи. Вопросъ инока Евфросина имѣеть въ этомъ случаѣ глубокой смыслъ и черезъ 250 лѣтъ послѣ его написанія, хотя и въ иномъ, интересующемъ насъ смыслѣ. Въ извѣстномъ «Сказаніи о ересѣхъ и хуленіихъ... содержимыхъ въ знаменныхъ книгахъ» инокъ Евфросинъ прямо спрашиваетъ о пѣніи и чтеніи одного и того же текста: «Единъ бо есть Богъ, слушаай пѣнія и чтенія: ибо аще по онымъ нарѣчіямъ годнѣйше Богу пѣти, то треба ли годнѣйше такъ и читати?» Мнѣ думается: не имѣемъ ли мы въ пѣвческомъ безпоповскомъ выговорѣ живого свидѣтеля русской древней рѣчи, столь переродившейся къ XX вѣку?

Дѣйствительно пѣніе безпоповцевъ отличается совершенно необъясненными пока, но систематично выдержанными измѣненіями въ произношеніи многихъ буквъ. Напимѣръ, въ многихъ сочетаніяхъ слоговъ они произносятъ не *ла*, *ди*, *дѣ*, *це*, а *ля*, *ды*, *дэ*, *сэ*, либо съ крайнимъ смягченіемъ, либо съ крайнею твердостью гласныхъ, или согласныхъ буквъ. Мало из-

вѣстна эта область въ подробностяхъ, но загадки и интересныя открытія тутъ несомнѣнны.

Наконецъ, обстоятельства, отчасти уже указанныя, вызвавшія введеніе у насъ вмѣсто знаменнаго письма 5-ти-линейной

№ 31. Образецъ „двознаменника“, то-есть, совмѣстнаго изложенія знаменами и нотами въ пѣвчей книгѣ. Вязь: „Мѣсяца Септемврія во 8 день, рождество пресвятыя владычицы“. Снимокъ съ рукописи Синод. училища: № 41, л. 1.

нотации, дали поводъ къ появленію книгъ «двознаменныхъ». то-есть, изложенныхъ вмѣстѣ съ знаменами и нотами. Книги эти не старѣе второй половины XVII вѣка и могутъ весьма помочь начинающимъ учиться пѣть по знаменамъ. Далѣе этого польза

*

отъ этихъ книгъ была бы сомнительна по невыразительности цефаутнаго ключа и отсутствію при нотописи знаковъ для ритма и оттѣнковъ. По этой причинѣ число двознаменныхъ рукописей незначительно вообще и не всякаго рода книги имѣются въ двознаменномъ изложеніи. Весьма обычны Октоихи, Праздники, рѣдки Обиходы и нѣкоторые трезвоны; совсѣмъ пѣтъ Ирмологовъ, Миней, Трїодей. Двознаменники, можетъ быть, появились въ свое время, какъ пособіе къ чтенію крюковъ тѣмъ поколѣніемъ, которое начало забывать ихъ, или какъ пособіе къ уразумѣнію нотной системы тѣми чтецами по крюкамъ, которыми не опѣивалась еще новая система. Цѣли эти были малозначительны, почему и время значенія двознаменниковъ скоро миновало.

IV.

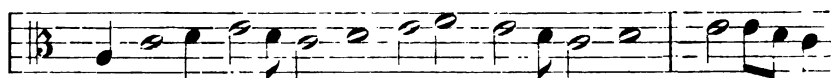
Нотація демественная и ея мѣсто среди другихъ нотаций.—Строеніе и достоинство демества.—Путевая нотація.—Связь ея съ знаменною.—Совмѣстное употребленіе знаменнаго, демественнаго и путевого пѣнія.—Хоровыя партитуры.—Предполагаемое контрапунктическое значеніе слова „путь“.—Развитіе добавленій въ текстахъ отъ „аненаекъ“ въ Кондакаряхъ XI—XII в. до текста многолѣтія царю Алексѣю Михайловичу.—Аненайка въ предначивательномъ псалмѣ, донныѣ сохраненная у старообрядцевъ.—Казанское знамя и „кокизы“.—Вуквенная и 3-хъ-линейная нотація.

Другая нотація, донныѣ еще живая въ употребленіи.—*демественная*. Трудно установить прямую связь этого письма и рода пѣнія съ тѣмъ «самымъ краснымъ», о которомъ упомянуто въ Степенной книгѣ, такъ какъ до насъ не дошло ничего изъ образцовъ стараго демества. Нынѣшнее демественное пѣніе, азбука котораго превосходно издана въ 3-й части труда о. Разумовскаго «Церковное пѣніе въ Россіи», употребляется для самыхъ разнообразныхъ осмогласныхъ и праздничныхъ текстовъ, для архіерейскаго служенія литургіи, для самыхъ торжественныхъ церковныхъ пѣсень Пасхи, Страстной недѣли и т. п. Собраніе всѣхъ этихъ пѣснопѣній образуетъ у старообрядцевъ особую книгу «Демественникъ», сформированіе которой едва ли старѣе первой половины XVIII вѣка.

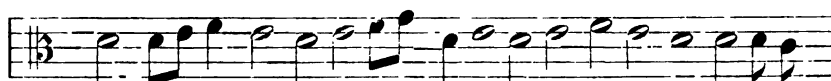
Техническое построеніе демества, названіе котораго, какъ я думаю, одинаково произвольно и бездоказательно производятъ отъ *домѣстѣихос*, *δημοστί*, *δέμος*, совершенно сходно съ

знаменнымъ распѣвомъ. Демество также подчинено осмогласію, также имѣеть погѣвки, которыми рифмуются его строки. Но содержаніе мелодій демественныхъ самымъ существеннымъ образомъ разнится отъ знаменныхъ и въ ритмикѣ, и въ порядкѣ мелодическихъ заключеній.

(Къ № 32). Переводъ (квартою ниже) примѣра демественнаго пѣнія.

Свѣ - ти - - - ся свѣ - ти - - ся по - - -

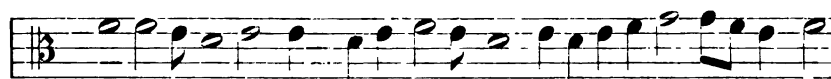

вы - и І - - е - - ро - са - ли - - - -

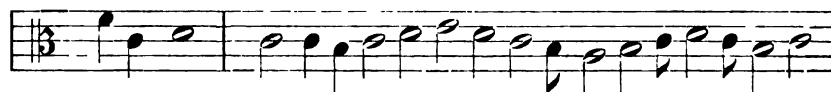

ме,

Починь демествомъ.

Сла - ва бо Го - спод - - - - -

ня на те - бѣ

воз - сі - я ли - куй ны - - - нѣ etc.

№ 32. Образецъ демественнаго
современнаго (полов. XIX в.)
писма единовѣрцевъ.

Мелодіи демества вообще болѣе свободны, менѣе строги, болѣе, такъ сказать, простонародны, хотя и чрезвычайно изящны. Характерная особенность демественнаго писма, состоящаго въ сущности изъ варіацій тѣхъ же обычныхъ знаменъ, есть употребленіе двухъ терминовъ, прямо прописываемыхъ въ книгѣ: «починъ демствомъ» и «захватъ демствомъ», еще не объясненные музыкально-теоретически, но, несомнѣнно, относящіеся къ показателямъ данной формы, указываемой какъ бы «единоначатіемъ» и «единоокончаніемъ». Другимъ показателемъ начала строкъ въ демествѣ (нынѣ, кажется, постепенно выходящимъ изъ употребленія) представляется употребленіе буквы Э (не имѣющей въ церковно-славянской азбукѣ), издавна писавшейся въ текстѣ прямо со знаменемъ. Напримѣръ: Э на

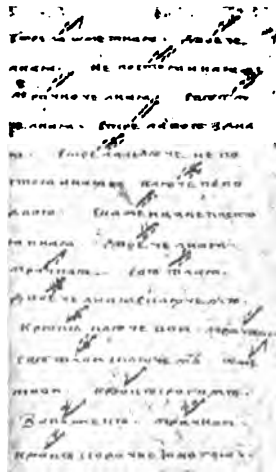
рѣцѣ вавилонстѣй, ту сѣдохомо и плакахомся; Э на вербихъ...
Э воспойте намъ; Э блаженъ иже иметь и разбѣтъ младенцы
твоя о камень.

Нынѣшнее демество усвоило себѣ помѣты Шайдурова и
отчасти признаки. Нерѣдко нынѣ можно встрѣтить демествен-
ныя мелодіи, изложенныя обычными знаменами и даже 5-ти-
линейными нотами. Это уже свидѣтельствуеъ какъ бы о на-
чалѣ упадка этого рода пѣнія у старообрядцевъ. Для примѣра
привожу снимокъ съ страницы «Рѣки вавилонской», иллюстри-
рованной безпоповцами самыми наивными рисунками, при зна-
менномъ изложеніи вмѣсто демественнаго.

№ 33. Образецъ знаменнаго перевода демественнаго пѣнія изъ „ли-
цевой“ рукописи „Рѣка Вавилонская демественная въ лицахъ“ (Рук.
Синод. училища, № 17, л. 20) „Э“ въ началѣ знаменнаго текста
оставлено изъ демества и роспѣто. Переводъ знаменами не особенно
удовлетворителенъ, какъ всякій переводъ, невольнo теряющій краски
оригинала. Роспѣвъ послѣдняго слова „Аллилуіа“ конченъ тради-
ціонною краткою аненайкою въ видѣ слова „аино“. Полоса темная
въ рисунокѣ повторена во всѣхъ 9 рисунокѣхъ („лицахъ“) этого псалма
и изображаетъ собою рѣку. Художникъ, украсившій этотъ рисунокъ
наивными цвѣточными арабесками, простодушно снабдилъ надписью
и изображеніе камня.

Слѣдующая, также весьма обычная въ прошломъ, нотация называется *путевою*, производимою въ своемъ названіи, какъ мнѣ кажется, вполне неосновательно отъ слова «путь», въ качествѣ дороги. Скорѣе можно думать о толкованіи путевого роспѣва въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ смыслѣ «*cantus firmus*», а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ самаго простаго контрапункта. Для путевого роспѣва существовала также своя краткая азбука, подобная знаменной. Самыя раннія записи путевого, или «путнаго» знамени имѣются едва ли ранѣе начала XVI вѣка.

№ 34. Снимокъ съ краткой азбуки путевого знамени, въ которомъ перечислены вмѣстѣ съ названіями знаковъ только тѣ, „еже въ столповомъ не обрѣтаются“. Окончаніе азбуки, здѣсь недостающее, состоитъ въ словахъ: „Таковая знаменія поется низко гораздо“.

Снимокъ съ рукописи Синод. училища: № 74, л. 340, об. п 341.

Азбука эта заключаетъ въ себѣ довольно многочисленную семью знаменъ, снабженныхъ своеобразными названіями для тѣхъ изъ нихъ, «иже точію въ путномъ обрѣтаются, а не въ знаменномъ» (см. снимокъ № 34). Эта азбука, хотя и снабжаемая иногда, послѣ перечня знаменъ, наставленіемъ «по сему и про-

чая разумѣвай», все же представляется весьма выдержанной и систематичной. Мелодіи путнаго знамени чрезвычайно протяжны. Многія изъ нихъ сохранились въ употребленіи и донынѣ, а задостойники и величанія «путевые» даже вошли въ Синодальныя нотныя изданія 1772 г., какъ особенно любимыя.

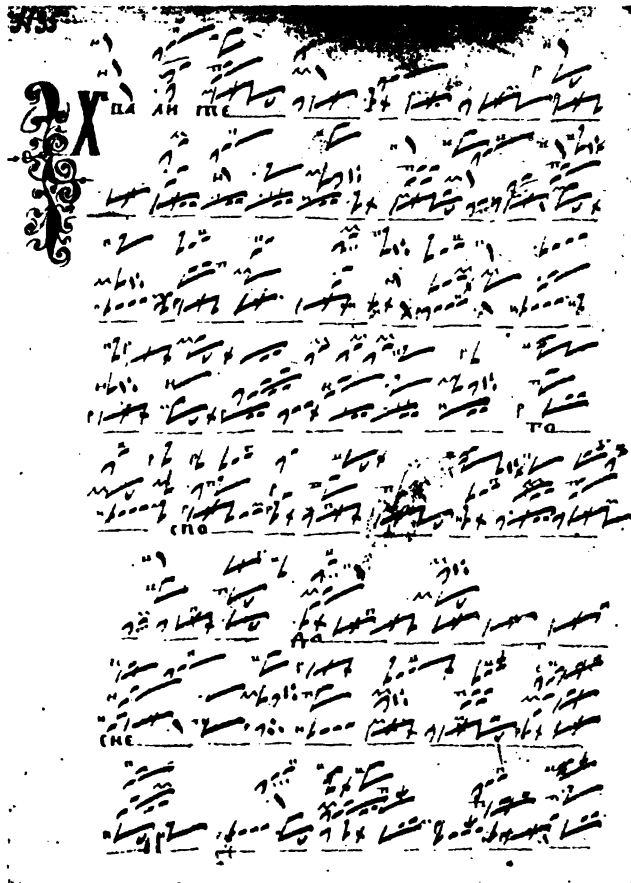
Заслуживаетъ вниманія одновременное существованіе всѣхъ трехъ вышеуказанныхъ нотаций, то-есть, знаменной, демественной и путевой, которыми наши древніе пѣвцы одновременно пользовались для показанія богатства своего репертуара. Множество примѣровъ указываетъ, что тутъ было что-либо вродѣ подчеркиванія мастерства пѣвцовъ, что-либо вродѣ любви къ пользованію эффектомъ отъ слѣдованія разныхъ родовъ пѣнія. Напримѣръ, эти сопоставленія на такъ называемыхъ «Царскихъ часахъ», передъ Рождествомъ Христовымъ и Богоявленіемъ, постоянно встрѣчаются еще въ рукописяхъ XVI в. въ такомъ порядкѣ: первое многолѣтіе царю Ивану Васильевичу — путь, второе ему же — верхъ, третье ему же — демествомъ; затѣмъ вмѣсто многолѣтія: «Исполла эти деспота» преосвященному митрополиту Московскому — демествомъ, то же архіепископу Новгородскому — путь; слѣдующія 4 возглашенія «вѣчной памяти» преподобному игумену Сергію «новому чудотворцу» озаглавлены по очереди: демествомъ, путь, верхъ и низъ. Напримѣръ, всѣ такъ называемыя «Вещи драгія», то-есть, нѣчто вродѣ отживающихъ нынѣ свою пору «духовныхъ концертовъ», изложены именно въ разныхъ гласахъ и нотаціяхъ. Впрочемъ и донынѣ истовые русскіе пѣвцы, желая отгѣнить свое усердіе къ торжественности службы, разнообразяютъ обычное знаменное пѣніе вставкою исполненія чего-либо демествомъ.

Одна изъ самыхъ неясныхъ пока главъ въ исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи есть появленіе у насъ хорового пѣ-

№ 35. Образецъ двуголоснаго изложения „Анеяйки“ въ демественной партитурѣ XVII в. Пѣвческое украшеніе текста на слова „Аллилуианитанитанни“ etc. въ настоящемъ примѣрѣ раздѣлено на строки, начало которыхъ означено буквою „Ѧ“. Этотъ примѣръ, какъ кажется, прибавлялся къ пѣвнію „Исполла эти деспота“ въ алтарѣ во время хожденія архіерея послѣ малаго входа.

Снимокъ со свитка Синод. училища: № 150, Н.

№ 36. Образецъ трехголосной демественной партитуры XVII вѣка изъ Обихода, заключающаго въ себѣ главнѣйшія пѣснопѣнія всенощной и литургіи на 3 голоса. Средній голосъ написанъ киноварью съ черными помѣтами; верхній и нижій голосъ—чернилами съ киноварными помѣтами.

Снимокъ съ рукописи Спюд. училища: № 220, л. 109 об.

нія. Партитуры на 2, 3 и иногда на 4 голоса изложены то знаменами, то путевою нотациею, то демествомъ. Богатое собраніе этихъ партитуръ, имѣющееся въ библиотекѣ Синодальнаго училища, хотя и каталогизовано, но еще нисколько не разслѣдовано за недавнимъ его приобрѣтеніемъ. Простой обзоръ текстовъ и сравненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ съ 5-ти-линейными нотными партитурами показываетъ, однако, что это хоровое пѣніе, когда-то, особенно же въ XVII вѣкѣ, очень распространенное, не было затѣмъ переведено на ноты. Оно такъ и прекратилось за смертю знатоковъ этого искусства и за побѣдою новыхъ гармонизацій нотныхъ на западный ладъ и на 4 голоса, сдѣланныхъ учениками автора «Мусикійской грамматики», послѣдователями столь извѣстнаго Н. П. Дилецкаго. Для примѣра здѣсь приводятся три образца пѣснопѣній на 2, 3 и 4 голоса. Въ первомъ (№ 35) изъ нихъ изложена «Анеяйка», о которой будетъ рѣчь ниже. Во второмъ (№ 36) взятомъ изъ превосходнаго «Обихода», изложена одна изъ редакцій «Хвалите имя Господне» весьма интересная въ музыкальномъ отношеніи. Въ 4-хъ-голосной партитурѣ изложено начало «Остафьевской» херувимской (№ 37), подобной которой имѣется немалое число въ 3-хъ и 4-хъ голосныхъ партитурахъ.

Въ этомъ же послѣднемъ примѣрѣ видимъ и означеніе голосовъ «верхъ, низъ, путь», то-есть, какъ бы контрапунктическое сложеніе. Означенія заглавій въ этихъ партитурахъ иногда непонятны, вродѣ находящагося при № 35 «Полскока путемъ да верхомъ» *) и т. под. Первое у насъ хоровое—знаменное пѣніе такъ и осталось непринятымъ искусствомъ. И въ свое время, и послѣ, возражатели утверждали, что въ немъ

*) Вѣроятно: Allabreve, Cantus firmus „путевой“ — внизу, контрапунктъ—въ дискантъ.

«подоболѣпнаго гласу нѣсть, нѣсть и чину»: говорилось также, что «шумъ и звукъ издающее» совершается «со движеніемъ всея плоти, покиваніемъ главы, съ помаваніемъ рукъ» и т. п.

Анепайки, въ изобиліи и въ чрезмѣрной формѣ появив-

№ 37. Образецъ 4-хъ голосной демественной партитуры „Остафьевской“ хоровицкой. Данная мелодія извѣстная и въ одногласномъ изложеніи, находится во второмъ снизу голосѣ. Текстъ подписанъ по старинному, то-есть, внизу, а не въ серединѣ партитуры.

Снимокъ съ рукописи Синод. училища: № 233,
л. 82.

иіяся въ рукописяхъ начала XVII в., вѣроятно, съ легкой руки Логгина, троицкаго головщика, есть на самомъ дѣлѣ чрезвычайно древнее украшеніе нашихъ пѣвческихъ богослужебныхъ текстовъ, имѣющееся еще въ рукописяхъ XI—XII в.

Древне-болгарское «хубово», донныѣ уцѣлѣвшее у болгаръ въ ихъ «забавныхъ» пѣснопѣніяхъ въ видѣ вставного слога «ха», существуетъ въ нашихъ древнѣйшихъ рукописяхъ въ видѣ

№ 38. Образецъ древнѣйшей аненайки, XI—XII вѣка, въ припѣвѣ „аллилуія“ роспѣтой неодинаково 4 раза знаменнымъ роспѣвомъ. Текстъ состоитъ изъ конца 2-го стиха 2-го антифона 4 гласа, 3-го стиха оттуда же и двухъ первыхъ стиховъ 3-го антифона. Очевидно (строки 2, 10, 16 и 23), что при повтореніи cadaго стиха прибавлялось „аллилуія“, что нынѣ неупотребительно. Ср. выше снимокъ № 6.

Снимокъ съ Кондакаря (Устава) Московской Синод. Типографіи № 142, л. 107.

приписки между знаменами «ху», выродившейся затѣмъ въ «хебуве» (XV и XVI в.) съ разными прибавками. Аненайки находимъ и въ современномъ старообрядческомъ пѣніи, удержавшемъ только «великую», роспѣваемую съ очень давняго вре-

мени въ припѣвѣ къ послѣднему стиху предначинательнаго псалма на великой вечерни. Древнѣйшій примѣръ украшенія текста на подобіе греческихъ «анеанесъ», «анане» (позд-

№ 39. Текстъ причастнаго стиха „Чашу спасенія прииму и имя господне призову“ изъ рукописи, въ которую еще не вписанъ знаменный текстъ. Апенайка самого полного состава, проходящая черезъ весь текстъ, кончающаяся постъ „Аллилуія“ слогами „танно“, обычно заканчивающими всѣ „Апенайки“ большого состава. Примѣръ показываетъ и то, что пѣвчія книги въ старину, какъ и нынѣ, писались обычно двумя, или тремя писцами, изъ которыхъ, говоря языкомъ писцовъ, одинъ „писалъ рѣчи“, другой „знаменилъ“, а третій „помѣты и буквы ставилъ“, или „мѣтилъ и буквилъ“, то-есть, ставилъ помѣты къ знаменамъ и росписывалъ вязи и заглавныя буквы киноварью. Снимокъ съ рукописи Синодальной Б-ки (Собраніе рук. Успенскаго собора) № 55, л. 411, XVI в.

пѣе же: териремъ, тетериремъ и т. п.) приводится въ трудѣ о. Разумовскаго (Церковное пѣше въ Россіи, л. 62), гдѣ въ снимкѣ изложенія XI вѣка имѣется апенайка въ знаменномъ

пѣніи при совмѣстномъ славянскомъ и греческомъ текстѣ. Тѣ же аненайки слѣдуетъ признать и въ многочисленныхъ украшеніяхъ кондакарныхъ мелодій въ видѣ «хивуи, хавуа, ховуо» и пр. Во время, послѣдующее за предполагаемымъ мною преобразованиемъ нашего пѣнія въ XIII—XIV вѣкѣ, аненайки почти исчезаютъ, кромѣ нѣкоторыхъ, такъ сказать, излюбленныхъ, и притомъ краткихъ, но нигдѣ не пропускаемыхъ въ рукописяхъ. Такова, напримѣръ, въ величаніи на Благовѣщеніе: «аллитанианиененаани», повторяемая всюду до конца XVII в. Можетъ быть, наличность этихъ украшеній въ древнемъ пѣніи и была тѣмъ самымъ, что называется «сладкогласованіемъ», почему-то однако «трисоставнымъ». Вопросъ объ этихъ украшеніяхъ, особенно частыхъ въ кондакарномъ изложеніи, совершенно еще не былъ затронутъ въ нашей молодой наукѣ.

Особенное, чрезмѣрное и трудно объяснимое нынѣ, развитіе аненаекъ и множества всякихъ вставокъ внезапно появляется къ первой половинѣ XVII в. Напримѣръ, многолѣтіе царю Алексѣю Михайловичу снабжено непонятною, долговязою аненайкою, которую надобно пѣть минуты $1\frac{1}{2}$ —2. Вычурность подобныхъ украшеній видна и на 2-хъ-голосномъ демественномъ примѣрѣ аненайки (см. выше № 35). Кажется, эти аненайки, въ концѣ концовъ надоѣли даже и самимъ любителямъ «сихъ ахатей». Аненайки какъ-то сразу вышли изъ употребленія послѣ собора 1666—1667 г., кромѣ, однако, вышеуказанной «великой», почему-то уцѣлѣвшей донинѣ въ старообрядческихъ книгахъ. Пнокъ Евфросинъ выражается о нихъ въ своемъ «Сказаніи о ересѣхъ и хуленіихъ» съ полнымъ отвращеніемъ. Нынѣ трудно еще сказать о всѣхъ этихъ украшеніяхъ что-либо положительное, кромѣ того, что существовавшее сотни лѣтъ не могло не имѣть въ себѣ что-либо и хорошее для вкусовъ своего времени.

Казанское знамя есть особая нотація, взятая въ своихъ начертаніяхъ, подобно демественному и путевому, изъ обычныхъ знаменъ. Казанское знамя и обрѣтено государевыми пѣвцами и прозвано такъ въ память завоеванія Казани, а не для означенія особаго рода пѣніч. Впрочемъ, попытокъ къ установленію точнаго чтенія и анализа оригинальныхъ, несомнѣнно существующихъ мелодій Казанскаго знамени сдѣлано еще не было, но, вѣроятно, чтеніе это легко въ такой степени, что даже параллельная съ обычнымъ знаменемъ его азбука ограничена лишь нѣкоторыми краткими указаніями, съ примѣчаніемъ «по сему и прочая разумѣвай». Но вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлая «Книга, глаголемая Кокизы, сирѣчь ключъ къ Казанскому знамени», то-есть, собраніе 240 мелодическихъ напѣвокъ и 67 еитъ, совершенно не выдѣляютъ, какъ кажется, это пѣніе въ особый родъ, какъ вновь сочиненное въ своихъ мелодіяхъ и въ формахъ своего строенія. Кокизы, бывшія у меня въ рукахъ, всегда казались мнѣ просто транспозиціею обыкновеннаго знаменнаго распѣва, изложеннаго въ верхней, киноварной строкѣ казанскимъ, а въ черной—нижней—обычнымъ знаменнымъ письмомъ. Нотація Казанская, какъ кажется, была недолговѣчна, такъ какъ не заключала въ себѣ истиннаго улучшенія и законченности. Съ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, вызвавшимъ надобность примѣненія къ новымъ текстамъ старыхъ напѣвовъ, Казанское знамя само собою кончило свое существованіе. У старообрядцевъ это знамя совершенно не принято.

Наконецъ, слѣдуетъ для полноты настоящаго очерка упомянуть еще о двухъ нотаціяхъ, не получившихъ распространія, можетъ быть, по случайнымъ причинамъ, но все же представляющихъ собою попытки къ своеобразному изложенію

пѣвческихъ мелодій. Обѣ эти вновь открытыя нотациі извѣстны пока по единственнымъ экземплярамъ XVII в., нынѣ хранящимся въ библіотекѣ Синодальнаго училища.

Первая изъ этихъ нотацийъ буквенная, или такъ называемое *красное знамя*, найдена въ одной рукописи изъ Владимірской губ. Краснымъ знаменемъ изложено 2 полныхъ текста Праздниковъ знаменнаго и греческаго распѣвовъ, подъ датю

№ 41. Образецъ письма буквеннымъ кинварнымъ „краснымъ знаменемъ“, расположеннымъ надъ черными строками богослужебнаго текста. Снимокъ съ рук. Синод. учп-лища: № 109, л. 32 об.

(вѣроятно, немного позднѣйшею) 1702 г. Въ концѣ рукописи имѣется указаніе «хотящему знати красное знамя». Эта краткая азбучка раздѣляетъ, подъ очевиднымъ вліяніемъ 5-ти-линейныхъ нотъ, всѣ буквенныя означенія на знамя скороходкое, ходкое, косношественное и ступовое, то-есть, въ $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{3}{4}$, а звуки называются въ порядкѣ, усвоенномъ въ дефавтномъ ключѣ. Напримѣръ, знамя ходкое:

№ 42. Образецъ значковаго Пермскаго нотнаго письма
 Знаменнаго распѣва, Іосифовскаго текста, расположеннаго
 на трехъ киноварныхъ линіяхъ.
 Снимокъ съ рук. Синод. училища: № 842.

У· Г· І· У· Г· І· У· С· Л· У· С· Л·

у^ть, ре, ми, у^ть, ре, ми, фа, соль, ля, фа соль ля и т. п.

Съ помощью всѣхъ имѣющихся въ азбукѣ указаній красное знамя читается вполне свободно. Никакихъ ритмическихъ указаній, равно и указаній оттѣнковъ исполненія красное знамя не даетъ, почему это изобрѣтеніе едва ли можетъ быть названо сколько-нибудь удовлетворительнымъ.

Другая нотация, также конца XVII в., найдена въ пѣвчей тетради изъ Пермской губ. Система своеобразныхъ пѣвческихъ черныхъ значковъ расположена въ киноварномъ станѣ въ 3 линіи и состоитъ также изъ означеній въ $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ и $\frac{3}{4}$ такта. Текстъ рукописи—Иосифовскій; распѣвъ знаменный; содержаніе—нѣсколько великопостныхъ обиходныхъ пѣснопѣній. Эта нотация, какъ и предыдущая, читается совершенно легко, но также не приспособлена къ дачѣ ритмическихъ и нюансовыхъ указаній.

Я не упомянулъ бы объ этихъ двухъ нотаціяхъ, если бы они не представляли собою новости въ нашей наукѣ и если бы онѣ не свидѣтельствовали о попыткахъ къ усвоенію напѣвовъ съ ихъ помощью, вмѣсто 5-ти-линейныхъ нотъ и крюковъ. Пытливые умы обоихъ изобрѣтателей оказались, однако, принадлежащими мало талантливымъ людямъ, не придумавшимъ ничего выше заурядной транспозиціи.

V.

Нотное письмо въ Россіи.—Несомнѣнное заимствованіе его съ Запада и несомнѣнное же усовершенствованіе его русскими пѣвцами въ шрифтъ нотъ и въ прибавленіи 5-й линіи.—Отсутствіе у насъ нотныхъ рукописей ранѣе конца XVI вѣка.—„Сторожъ“, употребительные до 1-й половины XVII в. въ южнорусскихъ рукописяхъ.—Среднерусское нотное письмо.—Трактаты и партитуры въ переходное время отъ пѣнія знаменнаго къ нотному.—Приспособленія нотъ къ партесному пѣнію.—Западно-русская и Московская первая нотопечать.—Заключеніе.

Нотное пятилинейное письмо издавна употреблялось на югѣ Россіи и, вѣроятно, было заимствовано съ Запада, пользовавшагося въ XVI вѣкѣ еще 4-хъ-линейнымъ, а не 5-ти-линейнымъ нотнымъ станомъ. Жестокія разоренія юго-западной Руси привели къ тому, что нынѣ у насъ нѣтъ нотныхъ южнорусскихъ рукописей древнѣе 1598 (каковъ «Супрасльскій» манускриптъ) года. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, была ли въ югозападной Руси, мелодически пѣвшей одинаково съ Москвой, употребляема знаменная нотация и когда именно тамъ была воспринята нотполинейная система. Между тѣмъ, снимокъ съ кievскихъ нотъ, имѣющійся въ извѣстномъ сочиненіи Гербинія «Religiosae Kijovensis scriptae» etc. (л. 154), прямо указываетъ на очень древній экземпляръ, бывшій въ рукахъ Гербинія. Въ этомъ снимкѣ *имѣется* 5-я линія, не употреблявшаяся на Западѣ, и отвѣсно-квадратный нотный шрифтъ, донныи сохранный въ Галицкой Руси и также *не бывшій* въ то время на католическомъ Западѣ. Эти двѣ подробности и суть наше

русское изобрѣтеніе въ области нотной системы. Къ XVII в., когда 5-ти-линейныя ноты были восприняты въ Москвѣ, нотнo-линейное письмо въ Кіевѣ успѣло уже перемѣниться въ своемъ шрифтѣ до начертаній, повсюду нынѣ употребительныхъ. Преемное ромбоидальное письмо съ весьма изогнутыми концами у $\frac{1}{8}$ -хъ и $\frac{1}{4}$ -ей стало квадратнымъ и прямолинейнымъ. Письмо «Кіевскаго знамени» перешло въ Москву уже съ мелкимъ почеркомъ, утратившимъ всѣ особенности шрифта, бывшаго въ рукахъ у Гербинія.

Снимокъ Кіевскаго письма, здѣсь прилагаемый, относится къ первой половинѣ XVII в. Въ этой порѣ рукописи еще снабжены въ концѣ строкъ западными, такъ называемыми кустодами (см. № 43, въ двухъ послѣднихъ строкахъ) или «сторожами», то-есть, переносными указательными знаками на ноту, слѣдующую первою въ дальнѣйшей строкѣ. Рукописи южно-русскія позднѣйшаго письма утрачиваютъ употребленіе «сторожей»: мѣняется и почеркъ нотныхъ знаковъ, дѣлающійся иногда весьма ординарнымъ и небрежнымъ. Вязи—прямо плохи, за то заставки и заглавныя буквы этихъ рукописей, можетъ быть, подѣ влияніемъ западныхъ художниковъ, достигаютъ иногда весьма значительнаго совершенства. Текстъ южно-русскихъ *Ирмологіоновъ великихъ*, въ которыхъ такъ компактно собранъ весь кругъ южно-русскаго пѣнія, пересталъ быть Іосифовскимъ спустя очень долго послѣ Москвы. Роспѣвъ ихъ—видоизмѣненіе Московскаго знаменнаго. Но составъ Ирмологіона Великаго чуть не въ двадцать разъ бѣднѣе Московскаго «Круга». Сѣверная Русь была несравненно болѣе усерднымъ и плодотивымъ художникомъ, чѣмъ Русь юго-западная.

Московское нотное письмо, лучше сказать средне-русское, отличается убористостью и тѣснымъ письмомъ группъ надъ

№ 43. Образецъ стараго кievскаго нотнаго письма съ кустодами („сторожами“) первой половины XVII вѣка. Полутактовыя ноты имѣютъ прибавочную тонкую только сверху, протянутую внизъ иногда лишь по небрежности писца; четвертныя ноты квадратны и имѣютъ тонкую линію внизъ, безъ московскаго загиба внизъ; цѣлыя ноты состоятъ изъ двухъ горизонтальныхъ точекъ. Употребленіе разныхъ ключей постоянно. Вязь (обыкновенно весьма плохая): „Господскимъ и Богородичнымъ и святымъ великимъ праздникомъ имущимъ бдѣніе всенощное“. Снимокъ съ рукописи Синод. училища: № 890, л. 1.

№ 44. Образецъ московскаго, среднерусскаго письма XVIII в. Письмо тѣсное, группами по тактамъ и полутактамъ; четвертныя ноты имѣють отчеркъ внизъ, не тонкій и иногда нѣсколько загнутый внизъ; цѣлыя ноты состоятъ изъ двухъ очковъ, наклонныхъ одинаково съ очками другихъ нотъ. Обычный форматъ въ $\frac{1}{4}$ л. Вязь: „Въ недѣлю первую по пасцѣ еже есть“.

Снимокъ съ рукописи Синод. училища: № 746, л. 51.

№ 45. Образец западно-русского нотного письма. Письмо рѣдкое; полтакты имѣютъ большую черту, выходящую внизъ; четвертные ноты имѣютъ толстый отчеркъ внизъ; очки у всѣхъ нотъ горизонтальны. Вязь: „Ирмосы воскресны греческаго“. Обычный форматъ въ $\frac{1}{4}$ л.
Снимокъ съ рукописи Синод. училища: № 563, л. 33.

№ 46. Образецъ юго-западнаго нотнаго
 письма XVIII вѣка.
 Вязь: „Мѣсяца януарна въ 6 день свя-
 тое богоявленіе Господа“.
 Снимокъ съ рукописи Синод. училища:
 № 14, л. 270.

№ 47. Образцы тушевых заставокъ, заглавной буквы и вязей западно-русскаго письма изъ униатскихъ мѣстностей. Письмо XVIII в., встрѣчающееся во многихъ велико-русскихъ копияхъ. Въ этомъ экземплярѣ, въ натуральную величину, особенно хороши рисунокъ Пресвятой Дѣвы и буква. Вязи—обычно плохи.

Снимокъ съ рукописи Синод. училища: № 312, л. 1, 132 и 144.

каждымъ отдѣльнымъ слогомъ. Иногда экономія въ бумагѣ вынуждаетъ писца рисовать большую букву **Θ** во всеѣ 5 линеекъ, снабдивъ нотное изложеніе только началомъ мелодіи, послѣ котораго весь напѣвъ ѳиты становится понятнымъ самъ собою. Въ заставкахъ и вязяхъ замѣчается постепенный упадокъ рисунка, дошедшій до самаго обыкновеннаго письма заглавій.

Желательная полнота этого очерка заставляетъ упомянуть о своеобразномъ письмѣ древне-русскихъ теоретическихъ трактатовъ и о нотныхъ партитурахъ такъ называемыхъ кантовъ. псалмъ, а также и разнаго рода партесныхъ сочиненій.

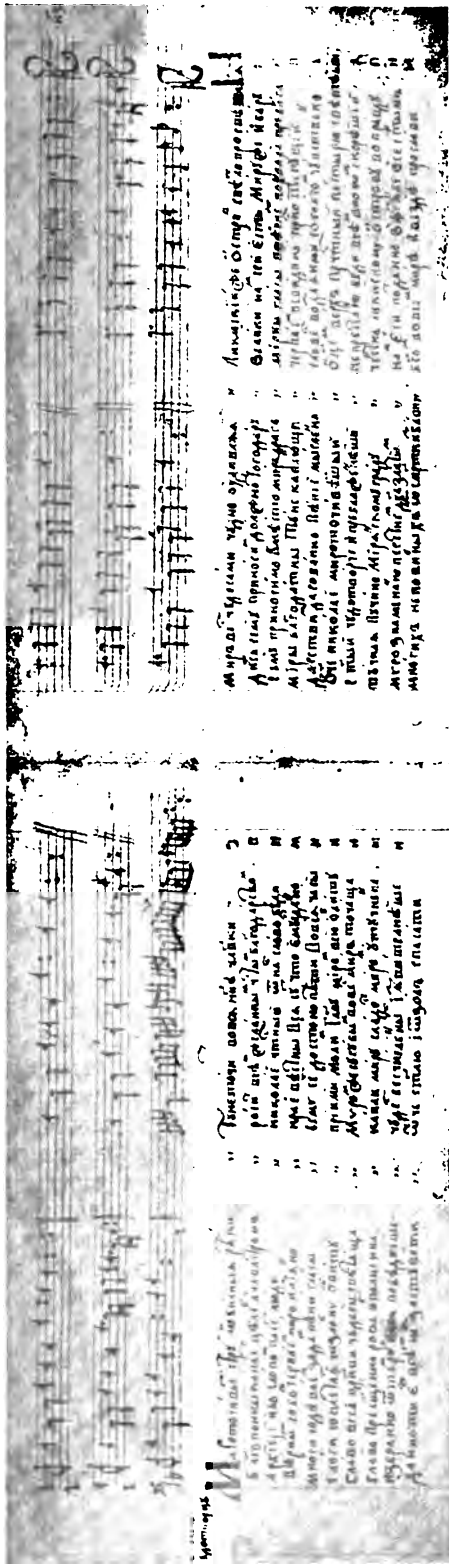
Выше уже были указаны краткія азбучки знаменнаго и путевого распѣва (см. снимки №№ 15 и 34), которыми собственно и ограничивалась выучка пѣвца, постигавшаго съ ихъ помощью въ письменно-научной формѣ всеѣ напѣвы, отлично уже знакомые по слуху. Съ развитіемъ знаменнаго пѣнія, съ появленіемъ въ немъ всякихъ и усовершенствованій, и ухушеній (напримѣръ, ненормальнаго развитія хомопія, апенаекъ, новыхъ лицъ и ѳитъ и т. п.) стали появляться постепенно, то болѣе развитыя азбучки, доросшія, наконецъ, до внушительнаго тома, то разные церковно-политическіе трактаты, напримѣръ, «Сказанія» инока Евфросина, или Мартемьяна Шестака, то разные теоретическіе трактаты, вродѣ, напримѣръ, «Указа о зарембахъ» (то-есть, о помѣтахъ Шайдурова и другихъ статьяхъ), или «Азбуки» старца Александра Мезенца, или «Ключа» Тихона Макарьевского и т. п.

Переходъ отъ знаменнаго одноголоснаго пѣнія къ хоровому, конечно, очень развязать строгую прежнюю уставность, замѣнивъ ее свободой богослужебнаго пѣнія, дошедшей въ концѣ концовъ до господства сочиненія всякихъ Сарти, Галуппи и не менѣе нерусскихъ ихъ учениковъ. хотя и съ русскими

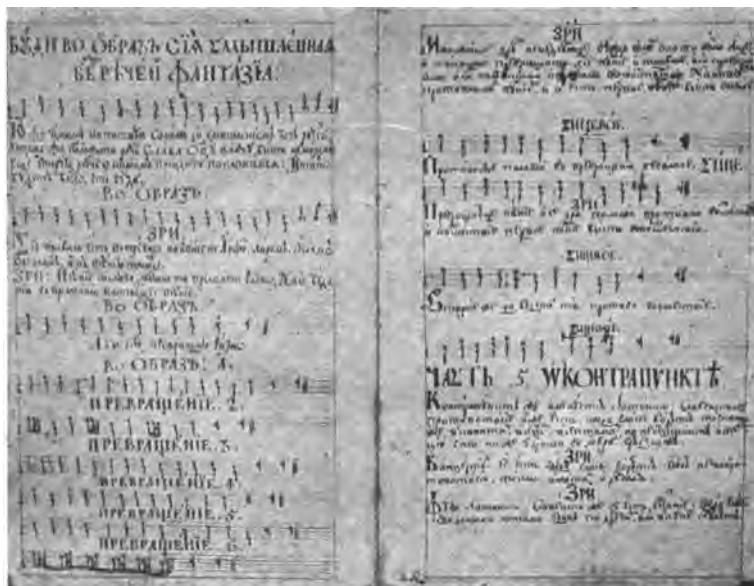
именами. Партитуры XVII вѣка, заключающія въ себѣ всякаго рода гѣвческія произведенія, обыкновенно имѣютъ форматъ альбомовъ. Въ нихъ, если изложеніе состоитъ въ гармонизаціи какаго-либо древняго распѣва, *cantus firmus* всегда въ тенорѣ и партитура не отличается ничѣмъ, кромѣ простоты и наивности. Этихъ партитуръ—огромная масса. Таковы и партитуры кантовъ, (см. снимокъ № 48) псалмъ, Стихотворной Псалтири и стихотворнаго Календаря Симеона Полоцкаго, въ композиціи на 3 голоса дьяка Титова, и многихъ тому подобныхъ сочиненій.

Гораздо интереснѣе партитуры партесныхъ сочиненій, составленныя учениками, прошедшими курсъ формъ и свободнаго сочиненія по превосходному для своего времени полному курсу Ник. Павл. Дилецкаго, извѣстному подъ названіемъ «Грамматика мусикійскаго пѣнія». Страница изъ этого курса (см. снимокъ № 49) достаточно рисуетъ уровень техники, требуемой Дилецкимъ отъ композитора. Невообразимая масса всякаго рода концертовъ и другихъ сочиненій, на всякое число голосовъ, начавшаяся появленіемъ съ конца XVII в., есть полный отвѣтъ на курсъ Дилецкаго и достойный предшественникъ нашего церковнаго пѣнія въ XIX вѣкѣ.

Для полноты очерка надо упомянуть еще о тѣхъ приспособленіяхъ, которыя испытала 5-ти-линейная нотация въ примѣненіи къ столь разившемуся въ XVIII вѣкѣ стилю «партесныхъ» сочиненій на множество голосовъ, преимущественно же на 8 и 12, то-есть, для 2-хъ и 3-хъ хоровъ. Непомѣрное развитіе этой своеобразной гѣвческой литературы, о которой отчасти было упомянуто выше, создало, можетъ быть, въ видахъ той же экономіи въ бумагахъ, упрощеніе, нотнаго письма на 3-хъ и даже на 1-й линіи. Предлагаемые снимки взяты изъ дискаптовой партіи концертовъ на 3 голоса. Въ первомъ

№ 48. Образец письма партитуры 3-х-голосных кантов съ куплетнымъ текстомъ, выгнутымъ въ одну строку. Въ этомъ кантѣ св. Николаю Чудотворцу 2-я строка украшена экцелентушимъ басомъ. По такому формату рукописей и по такому удобному для кантовъ и псалмовъ расположению ихъ текстовъ изложены почти всѣ сборники этого рода, напримеръ, „Стихотворная Псалтирь“ и „Календарь“ Симеона Полоцкого, духовные стихи св. Дмитрія Ростовскаго и множество всякаго достоинства семинарскихъ виршей, „Письма благоговѣльныхъ“ русскаго и полупольскаго сочиненія, донныя живыхъ въ югозападной Руси, благодаря „Богоявленникамъ“ базиліанскихъ изданій. Снимокъ съ рукописи Синод. Учлища. № 927, л. 57.

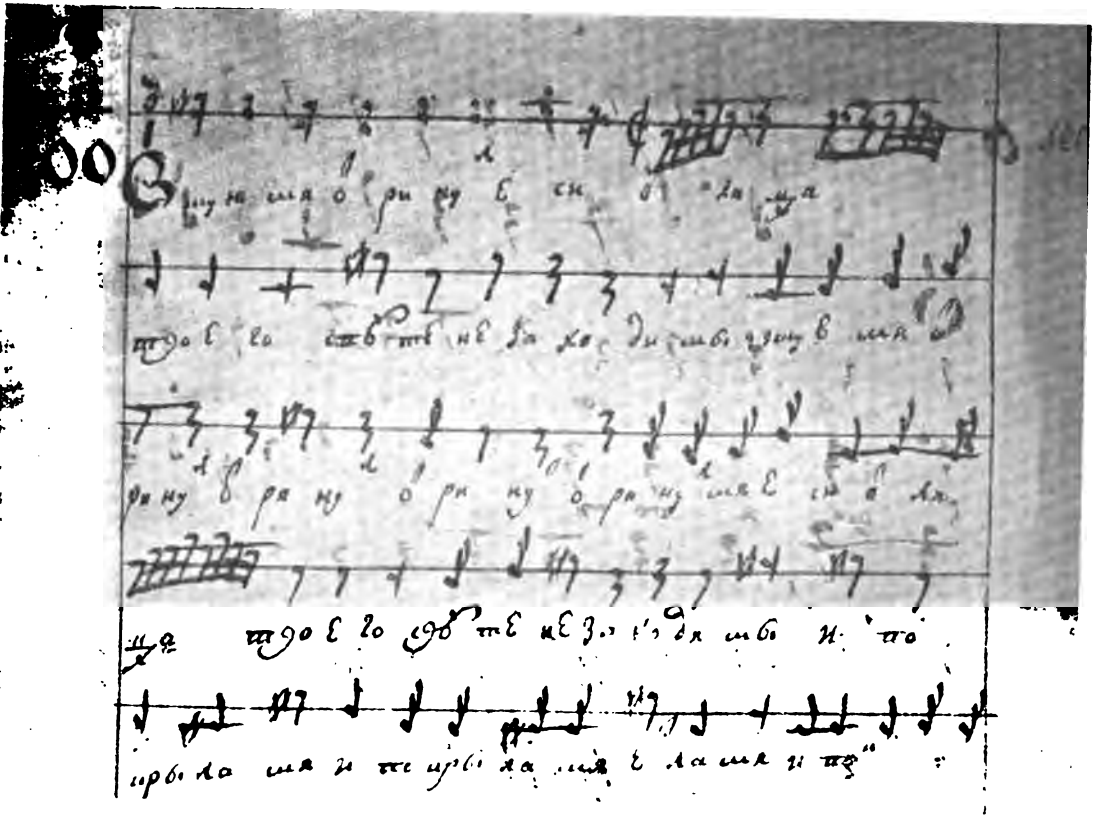
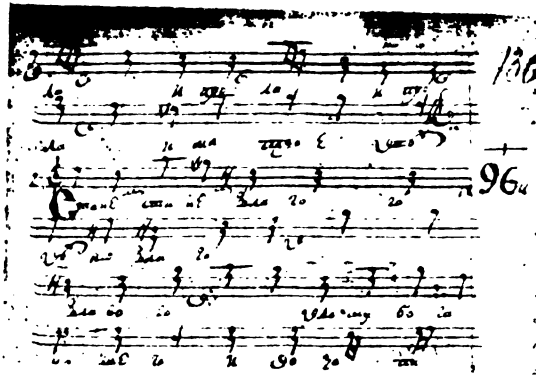
№ 49. Страница изъ Грамматикѣ Мусикійскаго Пѣнія Н. П. Дилецкаго, 1679 г. Предшествующее снимку изложеніе трактуеть о 2-хъ правилахъ: 1) правило противное „регуля контрарія“,— „еже есть когда печальное пѣніе прелагаеша на веселое, или веселое на печальное“ и 2) правило безрѣчное „а тексталист“, когда творецъ пѣнія прежде безъ рѣчей смышляеть пѣніе, посемъ же полагаеть подъ ноты текстъ, „спрѣчь рѣчи. подобныя смышленнымъ отъ него нотамъ“.

Поэтому понятно, почему Дилецкій нарочно пишетъ нотный примѣръ (вообразъ), чтобы сказать, что для „славы Отцу“ „вижу быти немощно“, а для „Приидите поклонимся“— „будеть благо“.

Дилецкій затѣмъ указываетъ, какъ одинъ и тотъ же „вообразъ“ можетъ имѣть 6 превращеній и „множайше, аще ти будетъ вольно— и до тысящи“, то-есть, показываетъ построение вариаций какъ по измѣненію достоинства нотъ, по превращенію „мусикии веселой на печальную“, такъ и по превращенію по правиламъ „восшествія“, „нисшествія“, то-есть, обращенія, *modo contrario, al rovescio* и т. п.

Часть 5-я, о контрапунктѣ, начинается прямо опредѣленіями, причемъ терминъ „концертъ“ слѣдуетъ понимать, какъ нынѣшнюю имитацию и, отчасти, какъ канонъ. „Бореніе голосовъ“ указывается Дилецкимъ вполне ясно: въ контрапунктѣ— „гласы борются точками“, въ концертѣ „не въ противоточію токмо“, но и „въ нотахъ и въ рѣчахъ“, а въ фугѣ „бореніе“ обращается въ „бѣганіе“.

Снимокъ изъ рукописи Синодальнаго училища: № 10, л. 20 об.

№№ 50 и 51. Образцы трех и однолинейного письма в сочинениях „партесных“, в „концертах“. В трехлинейном примѣръ указаны скрипичный и меццо-сопрановый ключь. В обоихъ примѣрахъ имѣется по нѣскольку случаевъ начертанія осьмыхъ, шестнадцатыхъ (соединенныхъ снизу, вмѣсто лигаты), диезовъ, наузъ и пр.

Снимокъ съ рукописи Синод. училища: № 947, л. 130 и 136 об.

3-хъ-линейномъ примѣрѣ очевидно употребленіе сначала скрипичнаго, а затѣмъ меццо-сопраннаго ключа; во второмъ примѣрѣ партія вписана около одной линіи съ помощью прибавочныхъ линій сверху и снизу.

№ 52. Первая западно-русская нотопечать, изд. 1700 г. въ Львовѣ.

Упомянемъ, наконецъ, о печатныхъ шрифтахъ 5-ти-линейныхъ нотъ, столь сохранившихъ характеры ихъ помѣстныхъ начертаній. Пѣвческая нотопечать извѣстна по католическимъ польскимъ изданіямъ (напримѣръ, «Missale Gnaesneusae diocesaе») съ 1523 г. Первое изданіе Ирмологіона Великаго въ Львовѣ относится къ 1700 г. Текстъ его — Іосифовскій и даже во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ раздѣльнорѣчный; напѣвы — зна-

менные, хорошо сохранные, но, конечно, съ тѣми вариантами, какіе могли появиться по плачевному и долговременному отчужденію этого края отъ православнаго и художественнаго центра тогдашней Русской земли. Характеръ шрифта выдержанъ очень хорошо въ сравненіи съ Кіевскимъ письмомъ по-

№ 53. Первая русская нотопечать, изд. 1772
въ Москвѣ.

ловины XVIII вѣка. Форматъ львовскихъ и позднѣйшихъ въ Почаевѣ базилианскихъ изданій—въ $\frac{1}{2}$ л.

Первое наше изданіе относится къ 1772 г. и напечатано въ Московской Синодальной типографіи. И этотъ шрифтъ удержалъ Московскій характеръ рукописныхъ нотъ, отбросивъ лишь наклонность очка въ такъ называемыхъ «чварткахъ».

Итакъ, въ краткихъ словахъ и въ немногихъ примѣрахъ были очерчены и представлены всѣ бывшія въ Руси пѣвческія нотации, за исключеніемъ тѣхъ, о которыхъ уцѣлѣло лишь одно упоминаніе и не сохранилось ни одного рукописнаго памятника.

Уже обиліе этихъ нотаций, уже одно твердое 900-лѣтнее существованіе знаменнаго пѣнія и письма невольно приводитъ къ подтвержденію мыслей, высказанныхъ въ началѣ этой статьи. Домашняя разработка древняго родного искусства, можетъ быть отчасти и воспринятаго изъ Византіи, — изытаніе изъ него всего неподходящаго складу русскаго ума и чувства и постоянное улучшеніе въ развитіи мелодій и ихъ записей въ предѣлахъ строго оберегаемаго, самаго задушевнаго и самаго любимаго еще издревле церковно-пѣвческаго искусства, вполне несомнѣнны. То же многовѣковое существованіе свидѣтельствуетъ и о достоинствѣ знаменнаго письма, какъ вполне удовлетворяющаго своимъ цѣлямъ. И дѣйствительно: въ него было вложено нашими предками такъ много живого и серьезнаго, что даже сильнѣйшія пнатанія мыслей послѣднихъ двухъ вѣковъ не повредили его жизненности до нашихъ дней и, вѣроятно, до далекаго будущаго. Нынѣ открывается новая возможность использованія знаменнаго письма: техника современнаго искусства, полная лучшихъ надеждъ, даетъ руку археологіи и въ церковномъ пѣніи. Мы уже имѣемъ первые опыты этого сближенія, открывающаго собою зарю новаго направленія русскаго церковно-пѣвческаго искусства. Заря эта получила первый привѣтъ отъ самыхъ лучшихъ музыкальныхъ силъ Россіи. Идея понята и воспринята ими. Понятно поэтому, какъ велики и радостны надежды на значеніе и развитіе этихъ свѣжихъ многообѣщающихъ опытовъ, начало и на-

добнось которыхъ такъ чутко были предугаданы извѣстнымъ проектомъ Боршнянскаго.

Позволяю себѣ заключить эту статью словами столь извѣстнаго учителя-художника, С. А. Рачинскаго: «Цвѣтъ русскаго искусства впереди. Вся громадная художественная работа Россіи въ XIX вѣкѣ—работа подготовительная. Вся эта дивная выработка языка, всѣ эти смѣлости и тонкости музыкальной и живописной техники, все это глубокое усвоеніе народныхъ формъ творчества, вся эта горячая и искренняя правдивость въ изображеніи, все, что восхищаетъ насъ съ дѣтства и начинается изумлять Европу, все это лишь драгоцѣнный матеріалъ, изъ котораго будетъ воздвигнуто величавое зданіе русскаго искусства XX вѣка». Эти слова вѣрны. Это предсказаніе въ одной своей половинѣ теперь уже не можетъ не исполниться, такъ какъ оно есть вмѣстѣ и логическій выводъ изъ всего сдѣланнаго въ послѣднія десятилѣтія. Несомнѣнно, что и разгаданный еще Боршнянскимъ «подавленный терніемъ отечественный гений» въ области церковно-пѣвческаго искусства дастъ тотъ же могучій цвѣтокъ, какой уже развертывается въ нашей свѣтской музыкѣ, такъ рѣшительно вставшей съ помощью науки и техники на такое простое и естественное для насъ основаніе, какъ народные напѣвы. Но область древне-церковныхъ папѣвовъ, столь удобная для разработки отъ ихъ крюковой записи и донинѣ жизненной еще силы, едва ли не общааетъ нѣчто гораздо большее для будущаго. Огромный запасъ записей папѣвовъ, этого сущаго озаренія высокихъ чувствъ русской души, не можетъ не повести пытливые умы къ открытіямъ въ области «отечественнаго контрапункта», то-есть, къ изложенію основаній нашего русскаго музыкальнаго мышленія, такъ сильно разнящагося въ своихъ пріемахъ и средствахъ отъ *темпериро-*

ваннаго искусства. Если разработка церковных напѣвовъ, уже начавшаяся, есть достойное исполненіе первой, ближайшей половины указаннаго предсказанія, то осмысленіе нашего пароднаго богатства,—новая русская художественная школа, основанная на записяхъ церковнаго напѣва, есть несомнѣнное и можетъ быть, также недалекое и логическое начало русской «музыки будущаго». Въ этомъ смыслѣ, вмѣсто беспочвенныхъ исканій, знаменное и демественное письмо, какъ и другія древне-русскія нотаци, могутъ оказать русскимъ художникамъ только самыя существенныя услуги и указать самую вѣрную дорогу для искусства XX вѣка.

Ст. Смоленскій.